

АНДРЕЙ
РОММ

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

ФОРТУНА ЛЮБИТ ОТВАЖНЫХ!

Андрей Ромм

Андрей Ромм
Редкий тип мужчины
Серия «Колесо фортуны.
Романы Андрея Ромма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48804052

*Редкий тип мужчины:
ISBN 978-5-699-82222-5*

Аннотация

Алексей Кудрявцев относился к тому редкому типу мужчин, которые видели в любви великий Божий подарок. Поэтому, однажды встретив девушку мечты, делал все возможное, чтобы пламя их чувства не угасало. Но мог ли он предположить, что сестра-близнец его жены никогда не захочет смириться с тем, что Алексей не остановил свой выбор на ней...

Содержание

1	5
2	10
3	20
4	29
5	41
6	52
7	55
8	74
9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Ромм

Редкий тип мужчины

Он говорил, что лучшие всего ешь тогда, когда не думаешь о закуске, и лучшие всего пьешь, когда не ждешь другого питья; чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам.

Диоген Лаэртский о Сократе

© Ромм А., текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

1

– Не верь, не бойся, не проси – это выводы. Изначальная идея в том, чтобы ничего не желать. Ни-че-го! Не желай – и получишь! Кто-то из древних греков сказал, что чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам.

Кто-то громко всхрапнул. Бабай усмехнулся, поднял узловатый, как корень дерева, указательный палец и многозначительно посмотрел на своего собеседника, как будто храп был неким знаком свыше, подтверждающим его правоту. Собеседник усмешки и жеста не увидел, потому что смотрел не на Бабая, а в окно, на узенький серпик новенького, только что народившегося месяца. Его тусклый свет не годился для чтения, а вот для бесед подходил идеально.

– Невозможно жить и ничего не желать, Бабай.

– Возможно, – не согласился он. – Но трудно. Невозможно получить желаемое. Все остальное возможно. Хочешь что-то получить – перестань думать об этом. Всерьез перестань, без притворства. Тогда получишь.

Бабай внимательно посмотрел на своего визави. Золотистый свет месяца выхватил из темноты строгий профиль: высокий лоб, прямой нос с маленькой горбинкой, резко очерченные скулы, сильно выступающий вперед подбородок, свидетельство воли и мужества. «Молодой, красивый... Как ему не желать, не мечтать?!» – подумал старый Бабай.

– Зачем получать то, чего не желаешь? – продолжая глядеть в окно, собеседник пожал плечами. – Не вижу смысла.

– Не знаю, Монах. Это уже другая тема.

Некоторое время молчали. Бабай улегся поудобнее и привычным жестом провел ладонью по шишковатому черепу, словно желая себе спокойной ночи, и уже собирался закрыть глаза, когда Монах сказал:

– Глупо!

– Так уж устроен мир, в котором мы живем, – охотно откликнулся Бабай, приподнимаясь на локте. – Свобода в том, чтобы ничего не желать. Желания нас порабащают. Желания – это кирпичи, из которых человек строит свою внутреннюю тюрьму. Самую страшную из тюрем, которая всегда с человеком. Из нее, Монах, на волю хода нет. От себя не убежишь.

– Если послушать тебя, Бабай, то получается, что как только перестанешь мечтать о свободе, так сразу же выйдешь на волю? Так?

– Так. Ну, может, не в тот же миг выйдешь, но скоро. Жерновам нужно время...

– Каким жерновам?

– Тем самым, которые перемалывают наши судьбы.

– Я так и знал, Бабай, что ты прикалываешься, – Монах наконец-то оторвал взгляд от окна и посмотрел на собеседника. – Вот и жернова какие-то приплел...

– Прикалываются булавки с брошками, а я дело говорю, – недовольно проворчал Бабай.

– Буддизм какой-то! – забывшись, Монах повысил голос, но тут же осекся. – Буддисты считают, что как только освободишься от страстей, так сразу станешь Буддой.

– Я говорил про желания, а не про страсти, – уточнил Бабай. – Это разные понятия. А среди буддистов, чтоб ты знал, попадаются очень умные люди. Был у нас в отряде один буддист, Илья-калмык, за месяц до твоего появления откинулся, так мы с ним подолгу разговаривали.

– О чем?

– Обо всем. С умным человеком обо всем можно говорить.

– Если ты такой умный, Бабай, то почему ты здесь, а не на воле? – с откровенным, совершенно несвойственным ему ехидством, поинтересовался Монах. – У самого-то получается не желать свободы?

– Давно уже получилось.

– И почему же ты здесь?

– А что мне на воле делать? – хмыкнул Бабай, кивнув в сторону окна. – Ты пораскинь мозгами, Монах. Куда мне идти? Чем заняться? Дома нет, никого близких нет... Бомжевать по помойкам? Нет, я уж лучше здесь останусь, в нормальных условиях, при людском уважении. Крыша над головой есть, одежда есть, пайка есть – чем не жизнь? А под конец срока ларек подломлю, чтобы пятерик добавили. Или в медчасть за спиртом залезу, для разнообразия. По глазам вижу, Монах, что ты мне не веришь, но скажу еще слово, чтоб

закрыть эту тему. Через месяц после того, как я понял, что не хочу никуда отсюда уходить, мне начальник отряда предложил написать ходатайство об условно-досрочном освобождении.

– И что же?

– Я отказался. Это анекдот, чтобы зэку предложили такое счастье, а он отказался. Но это правда.

– Повезло тебе, Бабай, – Монах снова уставился в окно. – А мне до условно-досрочного еще долго. Как до этой Луны. И под амнистию я не попадаю. У меня ни наград, ни заслуг...

– Можно инвалидность получить, – Бабай оскалил в улыбке кривые, коричневые от табака зубы. – На промке ¹ это легко. С инвалидностью тоже амнистируют, избавляются от дармоедов.

– Ты все шутишь, Бабай!

– Сейчас шучу, а до этого дело говорил, – голос Бабая вдруг стал строгим. – Если хочешь поскорее на волю выйти, то переставай мечтать о свободе прямо сейчас.

– Перестанешь тут, как же!

– А ты оглядись вокруг, дурачок! Если где и жить, так только здесь. Здесь все люди как на ладони. Здесь все просто и правильно, а там...

– А там моя жизнь осталась!

– Жизнь твоя там, Монах, где ты сам, – Бабай ткнул пальцем в пространство, будто решил поставить точку в разгово-

---

¹ Промышленная зона исправительного учреждения.

ре. – Сейчас она тут, на нашей зоне, и больше нигде. Ладно, давай спать. Вижу, что не дорос еще ты до умных разговоров. Вернемся к этой теме через пару лет. Если захочешь. Времени у нас много.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен, и почти тотчас же размеренно засопел. Монах еще долго лежал с открытыми глазами – думал, вспоминал, грезил...

2

Отец был бухгалтером. Скучная профессия, ничего героического, ничего интересного. Некоторые бухгалтера жили хорошо. Дядя Веня, отцовский однокурсник, оглушительно хохотавший, когда маленький Леша называл его «дядя Венник», работал в торговле и ездил на престижных «Жигулях» шестой модели, имел две дачи – ближнюю и дальнюю («Ну совсем как Сталин!» – ворчала мать), хорошо одевался – джинсы, кожаный пиджак, дубленка. Дядя Жора, бывший отцовский сослуживец, перешедший в какой-то безымянный «почтовый ящик» и сделавший там карьеру, ездил на черной «Волге» с личным водителем. Государственная «Волга» с водителем считалась престижнее, чем своя «шестерка». И жил дядя Жора в самом центре Москвы, в двух шагах от Кремля. А ведь начинал с отцом в одном и том же плановом отделе и некоторое время работал под его началом.

Мать упрекала отца за отсутствие амбиций. Придумала ему обидное прозвище «кулёма» и звала так даже на людях. Складно получалось, в рифму: «Тёма-кулёма», люди подхватывали, запоминали. Отец не обижался – привык, а вот Алексей переживал сильно. Тяжело быть сыном неудачника, да еще и со смешным прозвищем. Как-то раз дворовые пацаны попытались «переклеить» отцовское прозвище на Алек-

сея, назвав его «Кулёмычем». Четверо против одного – заведомо проигрышный расклад, но до того, как упасть, Алексей успел сбить с ног троих противников. Ловкость в сочетании с яростью порой творят чудеса. Вместо «Кулёмыча» получил прозвище «Чокнутый», точнее, не получил, а заслужил. «Чокнутый», если произносить это слово уважительно, вполне нормальное прозвище. Предостерегает окружающих от опрометчивых поступков. Со временем прозвище «усохло» до «Чока», а потом трансформировалось в более благозвучного «Чака» в честь знаменитого Чака Норриса, кумира пацанов восьмидесятых. Не просто так трансформировалось, а благодаря личным достижениям. Разряд по боксу, разряд по самбо – это же о чем-то говорит, разве не так?

– Никогда не останавливайся на достигнутом, сынок, – часто повторяла мать. – Остановиться означает проиграть. Посмотри на отца. Окончил Плехановский с красным дипломом, получил хорошее распределение и успокоился. До сих пор такой спокойный-спокойный, ты же видишь, понимаешь...

Алексей видел, понимал. Понимал и то, что нельзя останавливаться, и то, что только такой архиспокойный человек, как отец, мог ужиться с взрывной, чрезмерно эмоциональной, скорой на слова и поступки матерью. Он вообще старался все понять, классифицировать, разложить по полочкам. Так удобней и проще. Если не понимал, то приставал с вопросами.

Одного только не мог никак понять, а спрашивать стеснялся – куда делась любовь у родителей? Где они ее потеряли? Иногда, под настроение, мать вспоминала, как красиво ухаживал за ней отец. Со всеми положенными атрибутами (по тому времени, разумеется) от цветов до приглашений в театр.

– Мы с Тёмой на все премьеры ходили! – гордо говорила мать. – И непременно сидели в середине третьего ряда, такое у нас было правило. Тёма его придумал. До сих пор не понимаю, как ему удавалось доставать билеты на такие хорошие места?

Отец многозначительно хмыкал – знай, мол, наших. В такие минуты мать никогда не называла его «кулёмой». Только Тёмой или Артемом Алексеевичем (ну это больше при посторонних). «Артем Алексеевич ходил с таким солидным видом, что его другие студенты за преподавателя принимали...»

И на единственной свадебной фотографии сразу же бросалось в глаза, с какой любовью родители смотрят друг на друга. А на всех последующих фотографиях они друг на друга совсем не смотрели – только в объектив. И Алексей таких взглядов никогда не замечал. Хорошо жили, тихо, дружно (с отцом невозможно было поссориться, он всегда уступал и со всеми соглашался), но без любви. Никакой романтики, никаких букетов, никаких театров. Отец ходил с друзьями на футбол, а мать с подругами в кино – вот и вся «свет-

ская жизнь». Алексей пару раз побывал на стадионе с отцом и больше не ходил – не понравилось. Командные виды спорта не привлекали его ни как участника, ни как зрителя. Если все выиграли, то, в сущности, никто не выиграл, и наоборот. Один на один – совсем другое дело. Спорт – это когда каждый сам за себя и готов на все ради победы. Избери Алексей спортивную карьеру, он непременно стал бы чемпионом, с такими-то установками. Но карьеру он наметил себе другую. Торговую. Одну из самых перспективных по тем временам, временам всеобщего дефицита товаров.

Решил. Поступил в тот же Плехановский, что и отец, но на другой факультет, поскольку хотел стать не бухгалтером, а товароведом. Ведать товарами в то время означало дергать за ниточки, которые управляют миром. Официальных лозунгов было великое множество, а неофициальный, по которому жили, всего один: «Ты мне – я тебе». На третьем курсе вступил в партию (партия тогда была всего одна – коммунистическая), чтобы облегчить себе карьерный рост, и записался в студенческое научное общество. Планы были четкими – диплом с отличием (как и отец, учился на одни пятерки), аспирантура, диссертация, карьера. Кандидат экономических наук с партийным билетом мог рассчитывать на хорошие должности и быстрое продвижение по службе. Где-то там, в сияющих горних высях виделась Алексею министерская должность. На меньшее он не был согласен. Делать, так делать, стремиться, так стремиться, любить, так любить.

Любить – так любить. Чтобы не получилось потом, как у родителей – скучно и врозь. Для Алексея любовь была очень важна, несмотря на то что о настоящей любви он лишь в книгах читал. Жизнь «настоящими» примерами не баловала. Жизнь больше внушала, что любовь быстротечна и мимолетна. Вот она есть, а вот ее нет. Вот сын соседей женился на девушке, которая ждала его три долгих года (парня призывали на флот, а там служили на год больше). Вот они ходят, взявшись за руки, и часто спотыкаются, потому что друг с друга глаз не сводят. Вот пошли первые ссоры с криками. Слышимость в панельных домах хорошая – все слова разобрать можно, в том числе и матерные... Стоило ли ждать три года такого вот «счастья»?

Алексей решил, что у него все будет иначе. Или по большей, настоящей любви, такой, чтобы душа пела и все вокруг сияло, или не будет совсем. Решил и твердо следовал своему решению, отчего в общении с противоположным полом испытывал серьезные проблемы. Стоило какой-нибудь девушке приглянуться Алексею, как его тут же начинали терзать сомнения – настоящее ли чувство или нет? Сомнения вызывали скованность, подспудное напряжение. Девушки это чувствовали, и нельзя сказать, что им это нравилось. Самому Алексею это тоже не нравилось. Сомнения казались ему неправильными, недостойными настоящего мужчины. Понравилась девушка? Так давай, развивай отношения! Нечего занудничать и заниматься самоедством (модное нынче сло-

во «рефлексировать» в конце восьмидесятых – начале девяностых еще не вошло в обиход столь широко). Живи сегодняшним днем! Люби! Наслаждайся! Алексей пытался жить сегодняшним днем, но ничего не получалось – натура. Друзья-приятели многозначительно крутили пальцем у виска. Вдруг снова всплыло полузабытое детское прозвище «Чокнутый», только уже в обидном контексте. Самые опытные приятели считали, что все «причуды» Алексея происходят от недостатка опыта, и с уверенностью маститых психологов рекомендовали ему поскорее этого опыта набраться. Убедили. Набрался. Не помогло. Без любви все отношения казались ненастоящими, ненужными, бесперспективными. Иногда охватывало отчаяние – неужели подлинная любовь существует лишь в книгах? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, не хватало ни ума, ни опыта. Но в глубине души что-то подсказывало – есть она, есть, ищи лучше! Алексей искал. Ситуация складывалась парадоксальная. Он легко заводил знакомства с девушками, но сразу же после этого «жал на тормоза», потому что начинал прикидывать и сомневаться. К третьему курсу студентки Плехановского поставили на Алексея Кудрявцеве крест. Одни считали его чудаком, другие – импотентом, третьи подозревали в нетрадиционной ориентации, четвертые думали, что он ищет себе «ну очень выгодную» партию и не склонен размениваться по мелочам. Короче говоря, никаких matrimониальных перспектив. Ноль. Пустое место.

11 августа 1991 года Алексей отметил первый в своей жизни юбилей – двадцатилетие. Предыдущую круглую дату, десять лет, можно было не брать в расчет. Слишком мелко. А двадцать лет – это уже кое-что. Возраст. Событие. Родители проявили понимание и уехали на выходные куда-то под Коломну, на дачу к кому-то из подруг матери. Собственной дачи у родителей не было. Это тоже ставилось отцу в укор – у всех есть, а у нас нет. Ни дачи, ни машины, чтобы удобно было ездить на дачу.

Гуляли два дня теплой студенческой компанией. Угощение было скромным. Кастрюля приготовленного матерью салата оливье, бутерброды с докторской колбасой, малосольные огурцы и две банки шпрот – гвоздь застольной программы. Пили КЧП – кто что принесет, с выпивкой тогда было так же туго, как и с едой. Принесли всякого разного, от сухого белого до зубровки, смесь напитков кружила головы, но еще больше их кружили сознание собственной молодости и огромных открывающихся перспектив. Время больших перемен пугает тех, кто постарше, и окрыляет тех, кто помоложе. Все только и пели следом за Виктором Цоем, что сердца их требуют перемен.

Однокурсник Борька Сапожков, профессорский сынок, хохмач и выдумщик, подарил Алексею медный перстень-печатку с изображением русалки, который якобы (ну кто поверит Сапожкову!) приносил удачу в любви.

– Вот увидишь – Новый год будешь встречать со штампом

в паспорте и младенцем на руках! – громыхал своим басом Борька.

Объяснять ему, что до Нового года осталось меньше пяти месяцев и ребенком, даже недоношенным, за это время обзавестись никак не удастся, Алексей не стал. Поблагодарил, не очень искренне восхитился и положил подарок на одну из книжных полок.

– Родится сын – назовешь Борисом! – потребовал Борька, входя в роль устроителя личной жизни Алексея, творца его счастья.

– Нет уж! – осадил его Алексей. – У нас в роду уже какое поколение чередуются Артемы и Алексеи. Семейная традиция.

Борька подхватил тему и принялся врать про свои фамильные традиции и дворянские корни.

– Наш род был известен еще при Иване Грозном! – горячился он, выдумывая на ходу доказательства – какие-то грамоты, награды, упоминания в летописях и списках.

В 1991 году дворян развелось неожиданно много. Еще три года назад все, кого ни возьми, были самого что ни на есть рабоче-крестьянского происхождения, а сейчас кругом были одни аристократы.

Когда Борька доврался до самого Рюрика (тоже мне – Рюрикович-Сапожков), ему хором сказали, что это был лучший из рассказанных им анекдотов. Борька страдальчески вздохнул (мол, что с вас, сиволапых, взять?) и наконец заткнул-

ся...

Утром в понедельник (ох и тяжело было просыпаться после двухдневной гулянки!) перстень попался на глаза Алексею. Зачем-то захотелось начистить его до блеска. Вспомнилась сказка про Аладдина – а вдруг? Вдруг сейчас раздастся звонок в дверь и...

Звонок действительно раздался – то вернулись родители и проявили деликатность, не стали открывать дверь своими ключами. Алексей весь день неосознанно ждал чего-то – встречи, знака, может, звонка, но так ничего и не дождался. Перед тем как лечь спать, убрал перстень в ящик письменного стола, чтобы не мозолил глаза, и подумал о том, какая все же ехидная сволочь этот Борька. Ведь нарочно выдумал все про купленную на каком-нибудь рынке безделушку, чтобы поддеть именинника. Еще и сына в свою честь требовал называть. Срочно захотелось завести собаку, какого-нибудь мелкого беспородного брехливого кобелька и назвать его Борькой, но это недостойное желание не дожило до утра. А если бы и дожило, то мать бы не разрешила, как не разрешила в детстве. Собака – это грязь, шерсть, лужи на паркете и много ненужного беспокойства, считала она. Мать вообще не любила лишнего беспокойства и всячески старалась его избегать, берегла нервы. Она даже в дела сына особо вникать не стремилась. Не жалуется, ходит веселый – и ладно, и хорошо.

Долгое время Алексей сочувствовал приятелям, которых заботливые матери просто терроризировали своей заботой,

всем этим набором от «не забудь позавтракать» до «надень шапку, мороз ведь». Сочувствовал. А потом начал завидовать.

Потребность в любви была гораздо глубже, нежели казалось Алексею. И фундаментом ее были не юношеский максимализм пополам со свойственным юности романтизмом, а нечто большее. Несоизмеримо большее. Точнее говоря, фундамента никакого не было. Была яма, пропасть, которую Алексей инстинктивно пытался восполнить.

В следующий понедельник, 19 августа, начались странные события, которые впоследствии назвали путчем.

Баррикады на Красной Пресне – символично! Яркое подтверждение того, что история развивается по спирали. Впоследствии Алексей много раз убеждался в этом, но впервые прочувствовал эту спираль в августе 1991-го.

Баррикады! Восемьдесят шесть лет прошло с 1905 года, и вот, снова, там же. Скажи кто год назад, что в Москве появятся баррикады, что гражданские люди встанут на пути танков, ему бы не поверили. Даже буйная фантазия Борьки Сапожкова не смогла бы родить такого «галиматического», как выражались некоторые, бреда.

Лекции и прочие занятия были забыты мгновенно. До лекций ли, когда за окном творится история? Какие могут быть занятия, когда надо защищать свободу? И вообще, разве уважающий себя студент может упустить столь веский повод для прогула занятий? Все были на улицах, преимущественно у Белого дома. Впоследствии Алексей не раз вспоминал атмосферу всеобщего братства, единомыслия, единодушия, царившую в те дни на улицах. Страшно не было ничуть, несмотря на то что солдаты и танки были настоящими, – хочешь, так можно рукой потрогать. Было страшно интересно.

На парня в «вареной» джинсе Алексей обратил внимание по двум причинам. Во-первых, у того было очень запомина-

ющеся лицо – вдавленная переносица, отчего низкий бугристый лоб нависал над плоским носом наподобие козырька. Создавалось впечатление, будто парня лягнула копытом в лицо лошадь, хотя, скорее всего, здесь обошлось без нее. Просто рожа такая с рождения, мятая. Мать Алексея говорила про таких коротко и веско: «Не красавец». Она почти всегда говорила веско. Не роняла слова, а аккуратно выкладывала одно за другим. Во-вторых, парень очень странно двигался в толпе. Не шел, а скользил между людей (это получалось у него пластично), держа руки в карманах куртки, и непрерывно вертел головой по сторонам, но смотрел не вверх, на лица, как делают те, кто ищет знакомых, а куда-то вниз, на животы и еще ниже.

Алексей первым делом подумал, что парнишка, наверное, из этих, которые сексуально озабочены, трется в толпе и высматривает, за чью бы попу подержаться. Но, как выяснилось, парня интересовали не попы, а сумки. Вот он остановился возле девушки в золотистой с переливом блузке и ярко-малиновых бананах. Перестал вертеть головой, провел правой рукой вдоль сумочки, висевшей у девушки на плече, сунул руку обратно в карман, отступил на шаг и...

Сумка заулыбалась широкой ровной прорехой. Вор! Разрезал сумку и вытащил кошелек. Алексею, сталкивавшемуся с такими ситуациями только в книгах, почему-то казалось, что сумки надо резать снизу, так, чтобы кошелек сам падал в подставленную ладонь.

– Держи вора! – крикнул Алексей, устремляясь в погоню.

Толпа сильно шумела. Люди спорили, перекрикивались через головы, то и дело принимались что-нибудь скандировать, стихийные ораторы пытались произносить речи...

– Сво-бо-да! Ажевамобъясняю... Вера-а-а! Мы здесь! Эй. Нучто тутобъяснять... Сво-бо-да!

На призыв Алексея никто не обратил внимания. Да и непонятно, кого искать, кто вор. Но помощь не понадобилась. Ловко лавируя между группами людей, Алексей легко, в два счета, нагнал вора. Сказались хорошая физическая форма и то, что вор двигался проворно, но не напролом, а зигзагами. Понимал, что стоит только ему ломануться напролом, как сразу же остановят – подозрительно.

Ухватить за воротник куртки. Дернуть назад. Перехватить другой рукой. Развернуть на себя.

– Пусти, падла! – прошипел вор, поняв, что вырваться ему не удастся. – Пусти, кому говорю!

Маленькие, глубоко посаженные глазки сверлили Алексея злым взглядом. Кривые, тронутые желтизной зубы угрожающе оскалились.

– Верни кошелек! – громко потребовал Алексей и остротки ради встряхнул вора, что было силы.

– Подними, если твой!

Вор посмотрел себе под ноги. Алексей тоже опустил взгляд и увидел на асфальте, возле своей левой кроссовки небольшой красный кошелек. Явно тот самый, который был

украден у девушки в золотистой блузке.

Поднимать кошелек следовало не мешкая, иначе его мог схватить кто-то еще. Вора отпускать не хотелось, ему полагалось внушение – пара «ласковых» слов и, возможно, массаж уха сжатыми в кулак пальцами. Освободив левую руку, Алексей попытался присесть, одновременно придерживая вора правой рукой за куртку. Маневр был заведомо проигрышным, но ничего более умного в голову не пришло. Стоило только Алексею начать приседать, как вор резко отступил на шаг и, одновременно, нанес удар по руке Алексея. Пальцы попытались схватить скользнувшую между ними петлю, но безуспешно. Вор скрылся в толпе.

С кошельком в руках продолжать погоню было неохота. Да и, в сущности, незачем, черт с ним, с внушением. Алексей отправился на поиски девушки. Пошел наугад, интуитивно, потому что во время зигзагообразных перемещений следил не за ориентирами, а за вором. Да и ориентиры были ненадежны – толпа находилась в постоянном движении.

С момента кражи прошло совсем немного времени. По мнению Алексея, девушка должна была стоять на месте, с растерянным видом сокрушаться по поводу кошелька и испорченной сумочки, проверять, не украли ли еще что-нибудь... Вокруг могли собраться люди, поэтому Алексей приглядывался ко всем небольшим группам, но безуспешно. Поняв, что окончательно заблудился, начал кружить по спирали – каждый виток больше предыдущего. Кого только не

встретил, ведь явились сюда чуть ли не всем курсом, это потом уже разделились-разбрелись в толпе, но девушка в золотой блузке как сквозь землю провалилась. Потратив на поиски около двух часов, Алексей сообразил, что правильнее всего было бы сразу идти к метро и занять наблюдательный пост близ входа.

Из-за баррикад и скоплений народа идти пришлось круговым путем, переулками-закоулками. Шансов на то, что девушка еще не уехала домой, было примерно столько же, как и на то, что она сейчас идет к «Баррикадной», а не к «Смоленской» или еще куда. Но почему-то Алексею захотелось пойти таким путем, вот он им и пошел. Возле ближайшего фонаря (уже темнело) решился заглянуть в кошелек. До этого принципиально не интересовался его содержимым, но вдруг там лежит бумажка с номером телефона или какая-нибудь квитанция с адресом и фамилией? Увы, в кошельке были только деньги – синяя пятирублевка, две желтые рублевки и рубль шестьдесят мелочью. Восемь шестьдесят – небольшие деньги, и кошелек простенький, недорогой. Алексей подумал, что невелика потеря, девушка, наверное, не сильно расстраивается, но тут же вспомнил про испорченную сумочку и про обиду. Обидно, когда с тобой поступают так мерзко, нечестно, подло. И вдруг кошелек чей-то памятный подарок? Дорогая реликвия?

Несмотря на поздний час, возле «Баррикадной» было такое столпотворение, что можно было не надеяться высмотр-

реть здесь незнакомку, пусть даже и в приметной броской блузке. К тому же в темноте блузка могла бы показаться не золотистой, а серой. Недаром же говорится, что ночью все кошки серы.

Пора было признавать свое поражение. Мелькнула нелепая мысль – если кошелек не удастся вернуть, то получится, будто он на пару с вором обокрал девушку. Вор украл кошелек у девушки, он отобрал у вора, но не вернул законной владелице, стало быть... «Ничего подобного! – оборвал себя Алексей. – Я этих денег не трону, сколько бы кошелек у меня ни пролежал, так что никакая это не кража. И завтра же дам объявление в газеты, если они еще выходят – революция же!»

Никто не знал, что «революция» с настоящими баррикадами продлится считанные дни. Люди готовились к худшему.

Но завтра будет завтра, а сегодня можно было предпринять последнюю попытку. Дома было одно шуточное правило, тайный способ. Если не можешь чего-то найти, бывает же так, что нужный предмет будто сквозь землю провалился, то следует встать посреди комнаты, закрыть глаза, подумать о том, что хочешь найти, развести руки в стороны и крутануться на левой ноге. Непременно на левой, на правой крутиться без толку! Остановившись, можно открывать глаза и двигаться в том направлении, в которое тебя развернуло. Нужный предмет где-то там.

Кто сказал, что так можно искать только предметы, а не

людей? Кто сказал, что так можно поступать только дома, а не на улице? Алексей презирал стереотипы, а еще больше презирал тех, кто руководствуется ими. Правда, для того чтобы иметь пространство для маневра, пришлось встать на газон, потому что тротуары и перекрытая баррикадами (баррикады на «Баррикадной» – как символично!) проезжая часть были полны народу, но Алексея это не смутило. Газон был вытоптан до него, там и травы уже не осталось, только окурки валялись да прочий мусор.

В самый ответственный момент (толчок правой ногой) левая нога заскользила куда-то вбок, и Алексей (молодой! Спортивный! Абсолютно трезвый! Какой позор!) упал на землю. Лицом в дурно пахнущие окурки и не менее дурно пахнущую гниль. Если верить способу, то девушку в золотой блузке следовало искать где-то в Австралии, на противоположной стороне земного шара – чушь!

– Что с вами?! – обеспокоенно поинтересовались звонкие девичьи голоса. – Вам плохо?!

Голоса звучали вразнобой или то эхо от сотрясения мозга? Впрочем, сотрясения, кажется, без потери сознания быть не может. Да и в наличии мозгов у человека, занимающегося на людях такими глупостями, следовало усомниться.

– Все хорошо! – не очень приветливо ответил Алексей и, желая сохранить лицо перед незнакомыми девчонками, соврал: – Я тренируюсь.

– Прыжок с парашютом отрабатываете?

В вопросе было столько откровенного ехидства, что ответить на него следовало достойно. Алексей встал, отряхнулся, выпрямился и уже приготовился выдать складную заумную ложь про то, что он, дескать, тренирует координацию в особых условиях, даже рот раскрыл, но слова застряли в горле...

Перед ним стояли сразу две девушки в золотистых блузках и малиновых бананах. Света было достаточно для того, чтобы разглядеть цвета. Одинаковые челки, одинаковые улыбки, одинаковые сумки, у той, что справа, на левом плече, у той, что слева, – на правом.

– Ы-ы-ы! – несмотря на огромное усилие, ничего больше Алексей произнести не смог.

Раньше он не понимал, как люди сходят с ума. Возможно ли такое вообще? И каким образом это происходит? А теперь понял – очень просто происходит. Раз – и сошел, стоит только захотеть. Захотел найти девушку – получай сразу двух, не жалко.

Руки машинально зашарили по карманам – уж не появились ли там второй кошелек? Нет, только один, тот, что и был. Лежит там же, где и лежал, – в правом кармане джинсов.

– Ингусик, это тяжелый случай, – сказала Та Что Справа.

– Тяжелый, Инусик, – откликнулась Та Что Слева.

«Их еще и зовут одинаково, – обреченно подумал не уловивший разницы Алексей, зажмуриваясь и трясая головой. – Все, кажется, я дошел...»

Он действительно дошел. И нашел. Только еще не успел

ЭТОГО ПОНЯТЬ.

Если верить маме, то соперничество началось еще во внутриутробном периоде.

– Вы та-а-ак толкались! – закатывание глаз, трагический вздох, небольшая «звнящая» пауза. – Та-а-ак сильно! Я думала, что у меня будут мальчики – боксеры или футболисты. И та-а-ак обрадовалась, когда девочки родились! Красавицы вы мои!

При этом Инну полагалось обнять и чмокнуть в щеку, а Ингу всего лишь погладить по голове. У матери все было отрепетировано раз и навсегда – слова, жесты, эмоции. Мхатовская школа. Сцена – это жизнь, а жизнь – это сцена. И на этой сцене Инне всегда доставалось больше.

По праву старшинства?

Ха! Было бы старшинство – год или, скажем, три, а то ведь каких-то четверть часа. И то под вопросом. Акушерка в запарке и перепутать могла, потому что рожала мама «на конвейере», в битком набитом пациентками роддоме, да еще и под утро, самое «родильное» время. Может, не Инна, а Инга родилась раньше. Впрочем, какая разница? Не в пятнадцати минутах дело, а совсем в другом. Во всей остальной жизни. Жизни вдвоем...

– Я та-а-ак вам завидую, – призналась однажды мама. – Мне в детстве было та-а-ак скучно без братиков и сестер.

Тоскливая серая жизнь...

«Тоскливая, зато целиком своя! – хотелось ответить Инге. – А мы с Инной одну жизнь на двоих живем».

На первый взгляд у каждой своя жизнь, но это только на первый. На самом же деле жизнь одна на двоих. Все приходится делить пополам – жизненное пространство, жизненные блага, родительскую любовь.

Пополам?

Ха! Инна всегда ухитрялась хапнуть побольше, причем это выходило у нее столь естественно, что не придерешься. Свойство такое – быть в центре внимания, особый дар. Бесценный дар. Инга отдала бы все, что имела (вот честно – все, до последней ночнушки), в обмен на этот дар. За такое не жалко.

Решим задачку на сообразительность?

Условие – даны две абсолютно одинаковые внешне девочки, настолько одинаковые, что впопыхах иногда отец родной мог Ингу за Инну принять, и наоборот. Одеваться они тоже любили одинаково. Так с детства повелось, мама хотела, да и интереснее. Больше внимания привлекается. Ум, уровень развития, вкусы тоже примерно одинаковы. В такие нюансы, как то, что Инга больше любит соленые огурцы, а Инна предпочитает свежие, углубляться не надо, поскольку это несущественно.

Вопрос: почему все всегда обращают внимание на Инну?! В первую очередь?! Главным образом?! При любых об-

стоятельствах?! А Инга так – сбоку припека. «А, это твоя сестра...» Кто бы знал, как это ужасно – быть «сестрой своей сестры», а не самой собой, Ингой Олеговной Косаровицкой, красивой, эффектной, элегантной, умной, сногшибательной...

Перечень достоинств можно было перечислять едва ли не бесконечно, столько их было у Инги. А сестра умела представить так, будто у нее все равно больше. Она не старалась привлечь к себе внимание, не лезла вперед Инги. Внимание привлекалось само собой. Особый дар. Карма. Родовое проклятие – все плюшки одной сестре, все шишки другой.

У Инны даже шишки оборачивались плюшками. Стоило ей упасть и разбить коленку, как отец сразу же вспоминал о том, что «в этом доме так давно не было ничего вкусенького», и бежал в магазин за пирожными. Порванное платье мать небрежно бросала в мусорное ведро, говоря при этом: «Есть повод купить новое». Не взяли в художественную школу? Ну и ладно, хватит с нас и музыкальной, для будущих актрис музыка важнее. Заодно и Ингу «не взяли», потому что водить детей порознь в разные школы не было возможности.

Ха! Желания не было, а не возможности! Вот если бы в художку не приняли Ингу, то Инну бы водили туда без лишних слов. Что там водить? Две остановки на метро и пешочком двести метров? Не край земли. Инге эта художка не особенно и была нужна, но обида осталась. Почему решили за нее? Почему за нее всегда все решают? Сестру спрашивают,

а ее мнением не интересуются? Обидно.

Актерскую карьеру, во всем ее воображаемом великолепии, девочкам прочила мать. Ясное дело – родителям, пусть даже и бессознательно, хочется, чтобы детям удалось то, что не удалось им. У матери с отцом актерская карьера не задалась. Начинали хорошо, не откуда-нибудь, а с МХАТа и Маяковки, роли были интересные, но очень скоро, еще до рождения дочерей, дела пошли наперекосяк.

– Я никогда не падала на спину ради того, чтобы получить роль! – говорила мать.

Эту фразу полагалось произносить только стоя (сидя накал пафоса заметно снижался) и сопровождать полагающимися атрибутами – взмахом руки, гордым взглядом, едва заметной, но весьма выразительной улыбкой.

– Я никогда ни перед кем не пресмыкался ради того, чтобы получить роль! – не менее пафосно заявлял отец.

Отец предпочитал делать патетические заявления сидя. Так надежнее, меньше риска упасть.

По молчаливому, никогда не высказанному вслух уговору, дочерям полагалось подбадривать родителей, восхищаться их моральными качествами и сетовать на несовершенство прогнившего до основания актерского мира. Милый семейный ритуал со слезами и поцелуями. На самом же деле все четверо прекрасно понимали, что отцовскую карьеру загубило пристрастие к спиртному, а материнскую – чересчур вздорный (даже для актерской среды) и крайне непостоян-

ный характер. Кому из режиссеров захочется связываться с актером, то и дело срывающимся в запой («в штопор», как выражался сам отец)? Кому из режиссеров захочется связываться с актрисой, которая сегодня хочет, завтра не хочет, послезавтра не может, сегодня клянется в вечной любви, а завтра обкладывает на репетиции многоэтажной бранью? Мать была родом из Саратова, города, в котором богатства русского языка раскрыты во всем своем великолепном многообразии, да вдобавок выросла в рабочем районе, поэтому загибала такие коленца, что даже дворовая алкашня уважительно цокала языками и говорила: «Виктория Ивановна умеет!»

Матерились дома щедро, едва ли не походя, без стеснения, не придавая бранным словам какого-то особого значения – богемные нравы. А вот слово «горошек» было под строжайшим запретом и, будучи произнесенным, неизменно приводило к бурному скандалу, порой и не без рукоприкладства.

– Горошек?! Ты мне сказал «горошек»?! Ах ты ...! Мать твою за ... в ... сорок раз! Чтобы язык твой поганый сгнил и отвалился! Чтобы тебя ..., а потом ... и так без конца! Вот тебе «горошек»! Вот! Вот!

– Горошек?! Ты, мать моих детей, женщина, с которой я делю не только ложе, но и все остальное, сказала мне «горошек»?! Думаешь, что ты меня унизила?! Нет! Ты себя унизила, змея! Гадюка!

Инга в детстве все никак не могла понять, что такого обидного в этом невинном слове, которое даже на консервных банках пишут. В садике «горошком» можно было обзывать-ся сколько угодно, и никто внимания не обращал. О том, чтобы обижаться, вообще речи не было. А вот попробуй даже шепотом любимое мамино присловье про «опять – двадцать пять» скажи, так сразу же в угол поставят и компота лишат. Потому что ругаться нехорошо. И на улице можно спокойно обзывать кого угодно «горошком». Инга однажды настолько осмелела (отец, правда, был рядом), что сказала это слово на улице милиционеру. Сердитому такому, с усами. А тот ей в ответ улыбнулся. Такие странные дела. Просветила Инна. Оказывается, у актеров принято называть «театральным горошком» тех, кто играет роли последнего плана – все эти «кушать подано» или «сидят бояре в ряд». Оттого-то родители так не любят это слово, и звучит оно самым страшным из оскорблений. Маленький нюанс: Инне это отец объяснить потрудился. Инне, не Инге.

Родительский пример не способствовал вступлению на актерское поприще. Видя с малых лет изнанку актерской профессии, Инна и Инга прекрасно понимали, что почем, и не тешили себя иллюзорными надеждами. Да, есть звезды, которые блистают, чаруют, улыбаются нам с экранов и афиш. Но звезд мало, считанные единицы, и на каждую звезду приходится по три ящика «горошка». Если не по пять, если не по десять... Актерство – специфическое занятие, особый мир.

Там или пан, или пропал. Там нет середины, как во многих иных профессиях. Там только звезды и неудачники. Много ли шансов у них для того, чтобы стать звездами? Мама уверяла, что много.

– Близнецы всегда нарасхват! – говорила она. – Это же такие возможности! Безграничные! Эх, если бы у меня была сестра-близнец...

Трагический вздох, горькая усмешка, взгляд, устремленный в прошлое, затяжная пауза.

– Вы просто обречены на успех! Дерзайте!

Дерзать не хотелось. В восьмом классе сестры обсудили жизненные планы между собой, а затем ознакомили с ними родителей. Инна хотела посвятить жизнь музыке и собралась поступать в консерваторию. Инга хотела стать юристом. Полезная, востребованная, престижная профессия. Музыка – это же, в сущности, то же актерство, и законы там действуют те же самые. Одна звезда – пять ящиков «горошка». Но Инна просто млела, когда садилась за пианино. Преображалась. Светилась изнутри. Как-то раз призналась, что по-настоящему ощущает жизнь лишь тогда, когда нажимает на клавиши. И ведь не соврала, правду сказала.

У Инги с музыкой сложились прохладные отношения. Она умела сносно играть на пианино, не более того. Громоздкая «Беларусь» («Вика, бери своим девкам «Беларусь» и только «Беларусь» – это неубиваемый, вечный инструмент! – посоветовала матери подруга-музыкантша. – Еще

правнуки на нем отучатся!») была единственной вещью, которую Инга уступала сестре охотно, без сожаления. Бренчи на здоровье, у меня найдутся дела поважнее. Сама же предусмотрительно освоила гитару, на довольно приличном уровне. Гитара – не пианино, ее с собой можно взять. В гости или, скажем, на природу. Думала выделиться, но обломалась. Сестра приноровилась подпевать и делала это столь проникновенно, что переключала на себя все внимание. У Инги от такой наглости натурально чесались руки, и она била по струнам с такой яростью, что те рвались. Летом девяностого года, на Клязьме, Инга, доиграв (то есть оборвав четыре струны из шести), отошла в лесок, старательно разбила гитару о первый же приглянувшийся пень, а затем окольным путем, чтобы не увидели друзья, спустилась к реке и бросила обломки инструмента в воду. Казнила и похоронила. На удивленные вопросы «а где твоя гитара?» ответила коротко: «Потеряла». Таким тоном ответила, что пойти и поискать никто не предложил. А у сестры хватило наглости посочувствовать. Понимаю, мол, как сильно бесит, когда струны паршивые и то и дело рвутся, как музыкант музыканта понимаю.

Это ли бесит? В струнах ли дело? Впрочем, струны в то время были так себе, не ахти какие были струны. Хорошие можно было купить только с рук, у нелегальных торговцев, и стоили они дорого, как все хорошее. Стоит ли тратить ради того, чтобы аккомпанировать любимой сестричке? Перейдется!

Самой себе Инга объяснила так: гитару она разбила, потому что ей надоело на ней играть. Надоело – и точка! Все, тема закрыта! Очень важно уметь правильно объяснять самой себе. Очень важно уметь объяснить все, без исключения. Очень важно уметь объяснить так, чтобы можно было поверить. Даже если знаешь, что объяснение лживое. Спасибо маме, научила правильно вживаться в свою роль, объяснила, что самое главное – это внутренняя гармония, лад с самой собой.

– В человеке все должно быть гармонично, – говорила мама, перефразируя Чехова. – И снаружи, и внутри. Миром правят гармония и любовь!

Примечательно, что гармонию мама ставила на первое место. Ценила ее и умела создавать. В их тесной трехкомнатной квартирке царил ужасный беспорядок, особенно в родительской спальне, где ни одной вещи на своем месте нельзя было найти, но даже в этом хаосе была гармония. Чувствовалось, что это не просто сам по себе беспорядок, а художественный, артистический, в чем-то продуманный. Не просто так на стопке пожелтевших театральных программ, которые навечно прописались на подоконнике, лежит веер... Не случайно на ворох неглаженной одежды, что свалена на кресле, небрежно наброшена вязаная шаль... Все продумано, все концептуально, в том числе и небрежность, ведь шаль должна свисать так, чтобы кисти ни в коем случае не касались бы пола. Иначе получится некрасиво.

В университете Инге без труда удалось занять соответствующее ее достоинствам место. Здесь не было сестры, а однокурсницы, даже из числа «папиных дочек», не могли считаться достойными конкурентками. Куда им, любительницам, тягаться с чемпионкой, за плечами у которой семнадцать лет непрерывной тренировки. Даже не семнадцать, а больше, если учитывать внутриутробный период. С таким опытом можно без труда выиграть любое соревнование. В университете Инга чувствовала себя весьма комфортно (по своему собственному сравнению, «как львица среди кошечек»), но именно здесь она поняла, насколько ей не хватает сестры. Казалось бы, успели надоесть друг другу за столько лет, проведенных вместе, а вот же – к середине дня скушать начинала по Инне! Парадокс? Кровные узы? Невидимые связывающие нити? Для Инги это стало открытием.

Инна тоже испытывала нечто подобное. Живо интересовалась делами сестры, рассказывала про свои успехи. Именно так – у Инги были «дела», а у Инны сплошные успехи. «Глубокий талант», – говорили преподаватели. Ингу «вторым Кони» или «вторым Плевако» (стандартные факультетские похвалы, уходящие корнями в дореволюционный период) никто не называл. Да и не разберешь так вот сразу, кто из вчерашних абитуриентов «второй Кони», а кто – будущий юрисконсульт на АЗЛК. Время нужно, чтобы присмотреться. В консерватории проще, там уже по посадке выводы сделать можно. Шутка, но с долей правды. Однажды в разговоре

со студентками факультета психологии Инга узнала, что существует концепция, согласно которой близнецам желательно учиться порознь, в разных классах, а то и в разных школах. Подумала и признала, что некое рациональное зерно в этом есть. Может, и с сестрой все сложилось бы иначе, учись они обособленно? Не было бы такого соперничества, такой иссушающей душу обиды?

Инга почувствовала, что совсем без сестры ей плохо, поняла, что, наверное, родители что-то упустили, что-то сделали не так, убедила себя в том, что Инна, в сущности, ни в чем не виновата, потому что стремление к конкуренции заложено в человеке изначально, на генетическом уровне, а обида все равно осталась. И время от времени вспыхивала, полыхала, жгла, оборачивалась то разбитой гитарой, то мокрой от слез подушкой. Стоило им появиться вместе в обществе, как Инга снова оказывалась в тени сестры.

Обида была своеобразной, родственной, сестринской. Инга не желала сестре зла, она всего лишь хотела «поставить ее на место», затмить, отодвинуть в тень. Нельзя же так, чтобы плюшки одной, а шишки – другой.

Плюшки – шишки. Инне даже кража кошелька пошла на пользу. Она как чувствовала и потому не расстроилась ни по поводу пропавших денег («не та сумма, чтобы жалеть»), ни по поводу испорченной сумки («есть повод купить новую» – ну совсем как мать!). Как будто знала, что пропавшие деньги вернутся к ней с такими «процентами», за которые не одну,

а десять сумок отдать можно! Двадцать! Сто!

– А ты наблюдательный! – похвалила на прощание Инга. –

Нас отец иногда путает, а ты за весь вечер ни разу не ошибся.

– Вас трудно спутать, – ответил Алексей, – вы только на первый взгляд похожи...

– А на второй? – хитро прищурилась Инга.

– На второй... – бойко начал Алексей, но тут же прикусил язык, потому что говорить правду явно не стоило. – На второй взгляд вы разные.

«Разные» – и точка! На одну взглянешь – и сразу внутри теплеет, глаз не отвести, а на другую просто смотришь, и все. Черты лица те же самые, голоса схожи, но вот впечатление разное. Совершенно.

– И чем же мы отличаемся? – поинтересовалась Инна.

– Именами! – отшутился Алексей.

Обменялись телефонными номерами. Договорились встретиться завтра на том же месте, где сегодня познакомились. Алексей дождался, пока новые знакомые войдут в подъезд, и пошел к метро. На всякий случай запомнил номер дома, чтобы можно было найти его в длинном ряду одинаковых пятиэтажек.

Настроение было не просто хорошим, а замечательным. Каким же ему еще быть, если сделал хорошее дело и познакомился с двумя классными девчонками? «С одной класс-

ной девчонкой и ее сестрой», – поправил себя Алексей, любивший во всем ясность и точность.

Воспоминания о том, как мило обрадовалась Инна, увидев свой кошелек (тогда Алексей еще не знал, что это воспоминание станет одним из главных в его жизни), прервал резкий окрик из остановившихся рядом с ним милицейских «Жигулей»:

– Гражданин! Ваши документы!

Придирчиво изучив студенческий билет (разве что на зуб не попробовал), пожилой старшина велел Алексею протянуть вперед руки.

– Ладонями вверх! – добавил он таким суровым тоном, будто за протягивание рук ладонями книзу полагался расстрел на месте.

Алексей решил, что сейчас на него наденут наручники, но старшина ограничился осмотром локтевых сгибов.

– Выверните карманы!

Алексей вывернул карманы и продемонстрировал их содержимое – ключи от дома, носовой платок, несколько мелких купюр, один железный рубль и два пятака.

– Приподнимите штанины!

Убедившись, что и в носках Алексей не прячет ничего запретного, старшина немного смягчился. Вернул студенческий билет и спросил:

– Куда идем?

– К метро, – немного растерянно ответил Алексей.

Первый раз в жизни у него проверяли на улице документы и интересовались содержимым карманов.

– Метро уже закрыто, – сообщил старшина. – Про комендантский час в курсе?

– Нет.

Алексей посмотрел на часы. Да, действительно – закрыто, уже без четверти два. Загулял, называется. Странно, как быстро пролетело время.

– Теперь в курсе, – поправил старшина. – С 21-го до пяти надо сидеть дома. Живете далеко?

– На Ярославском шоссе.

Старшина переглянулся с напарником, сидевшим на заднем сиденье, и присвистнул – далеко от Кузьминок до Ярославки, другой край света, можно сказать.

– Полезай в машину! – тоном, не допускающим возражений, велел старшина.

Левая задняя дверь тотчас же открылась.

– За что? – опешил Алексей. – Я же ничего не сделал...

– Посидишь до утра в отделении, целее будешь, – старшина несильно подтолкнул Алексея к двери. – Уже есть жертвы, хватит...

В машине пахло табаком, гуталином и чесночной колбасой. У сидевшего сзади лейтенанта на коленях лежал «калаш». Когда тронулись с места, старшина обернулся к Алексею и спросил:

– А чего это ты лыбился на весь Есенинский бульвар? Я

решил, что ты под кайфом, а от тебя даже водкой не пахнет. Характер такой веселый, что ли?

– Да так, настроение было хорошее, – ответил Алексей.

– У меня в твои годы оно тоже часто было хорошее, – вздохнул старшина.

В словах старшины прозвучала такая неприкрытая грусть, даже боль, что Алексею стало его жаль. С присущим юности максимализмом он подумал о том, что жизнь свою надо строить так, чтобы и в зрелом возрасте, и в старости настроение оставалось хорошим, а если бы и портилось, то несильно и ненадолго...

На четвертое свидание Инна пришла без сестры, чему Алексей несказанно обрадовался. Он все время искал возможность намекнуть или дать понять, что хочет видеть ее, а не Ингу, но не получалось. Инга постоянно была рядом, не отходя от сестры ни на шаг. Еще и шутила, что стоило только ей ненадолго оставить Инну одну, как у той украли кошелек. И на вопрос «Когда мы увидимся?», задавая который Алексей смотрел на Инну, отвечала вперед Инга. Не скажешь же так вот прямо: «Инга, ты можешь не приходить, потому что мне нравишься не ты, а твоя сестра». Неловко.

– Инга готовится к новому учебному году, – сказала Инна.

– Готовится к новому учебному году? – удивился Алексей, который, подобно большинству студентов, считал, что перед началом учебного года надо отдохнуть на всю катушку, а не заниматься. – У нее пересдача?

– Какая пересдача! – рассмеялась Инна. – Инга – круглая отличница, гордость факультета и будущая надежда отечественной юриспруденции. Она учится на пятерки и большинство экзаменов ей ставят автоматом. Она готовится к занятиям: повторяет то, что проходили в прошлом году, пролистывает новые учебники. У Инги правило – учить все вперед. Я вообще удивляюсь, как ей диплом экстерном еще не выдали! Я так ею горжусь!

– Рад за тебя, – сказал Алексей и тут же поправился: – То есть – за вас.

Подумал и добавил:

– Но за тебя все-таки больше.

Еще подумал и уточнил:

– Твоя сестра очень классная, но понравилась мне ты.

– С первого взгляда? – поддела Инна.

– Со второго, – честно ответил Алексей. – С первого я подумал, что у меня глюки, и немного... испугался. А со второго...

Странно, но отношение к Инне не подвергалось обычному «препарированию». В этом не было нужды. Зачем копать в своих чувствах, если и так ясно, что на сей раз они самые что ни на есть те, что вот это и есть Настоящая Любовь. Потому что жизнь разделилась на две половины – до знакомства с Инной и после. Потому что без встреч с Инной уже невозможно представить свою жизнь. Потому что Инна всегда рядом, даже когда рядом ее нет. Потому что сердце не

просто бьется, а бьется в упоенье. Именно так! Хочется постоянно декламировать Пушкина:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Ведь именно так все и было. «Чудное мгновенье», «мимолетное виденье» (подумал же сначала, что ему кажется), «гений чистой красоты»...

Инна еще и оказалась гением чистой доброты. Такого доброго человека Алексею никогда еще не приходилось встречать. Доброта светила в взгляде, звучала в голосе, проявлялась в отношении к миру. «Плохих людей нет, есть не очень умные» – вот таким было жизненное кредо Инны. Если Алексей в ее присутствии отзывался о ком-то осуждающе или просто критически, то Инна неизменно говорила что-нибудь смягчающее, вроде «может, ты плохо знаешь этого человека» или «может, ты не так его понял». Алексей невольно перенимал ее взгляды. Стал менее категоричным, более терпимым к людям и каким-то вдумчивым, что ли, нескорым на резкие суждения.

Инга больше на свидания не приходила, но Инна регулярно передавала Алексею приветы от сестры. В следующий раз Алексей и Инга встретились седьмого ноября, во время приуроченной к праздничному дню церемонии знакомства с ро-

дителями Инны и Инги.

Церемония получилась та еще. Именно церемония, а не просто знакомство. Алексей изрядно волновался. Ему хотелось произвести хорошее впечатление, но Инна пару раз обмолвилась, что ее родители составляют мнение о людях интуитивно и категорично. Или сразу понравился человек, или сразу не понравился. Если не понравился, то второго шанса не будет. Невозможно повторно произвести первое впечатление.

— Мама с папой актеры, и профессия наложила на них отпечаток, — пыталась объяснить Инна. — Они всех людей сравнивают с героями тех или иных пьес, ну, будто примеряют роль к человеку, или, если точнее, человека к роли. Иногда до смешного доходит. В субботу сантехник приходил кран в ванной менять, так мама на него строго-строго смотрела. Так строго, что он от чаевых отказался. И знаешь почему? Потому что решила, что он похож на Паратова из «Бесприданницы». Бедный сантехник...

Алексей боялся, что его тоже могут принять за Паратова или еще за какого-нибудь драматургического негодяя. Но обошлось, правда, вопросов ему задали много — начиная с того, есть ли у него братья или сестры, и заканчивая тем, почему он не служил в армии. Инна смущалась, Инга улыбалась и ободряюще подмигивала — держись, мол, а Алексей обстоятельно отвечал на все вопросы. Братьев с сестрами нет, но всегда хотелось, а от призыва освобожден из-за обна-

ружившейся двумя годами раньше язвы желудка («Заработал перекусами на ходу», – ворчала мать). Услышав о язве у гостя, хозяйка обеспокоилась тем, что на столе стоят исключительно вредные продукты – копченая колбаса, сыр, острый салат из свеклы с чесноком, шпроты, жареная курица (стол по тем голодным временам был просто роскошный, что намекало на некоторую торжественность момента), и предложила сварить овсяную кашу. Хозяин тут же предложил «выпить по полной», ибо водка лечит все болезни, Алексей смутился и принялся пространно объяснять, что вне обострений есть ему можно практически все, Инга страдальчески закатила глаза (достали гостя родители), а Инна украдкой показала Алексею кулак с оттопыренным большим пальцем – молодец, все хорошо, ты сумел понравиться. При следующей встрече рассказала, что мать с отцом сошлись на том, что Алексей – вылитый Чацкий. Сравнение Алексею польстило, но ничего общего с Чацким он у себя не нашел, несмотря на то что внимательно перечел «Горе от ума», пытаясь понять, что натолкнуло будущих тестя с тещей на такое сравнение.

Насчет будущих тестя с тещей была не шутка, а правда, потому что, окрыленный своим успехом (Чацкий – это вам не Фамусов и не Паратов), Алексей сделал Инне предложение. Собирался уже с духом, готовился, репетировал, хотел пригласить куда-нибудь. Непременно – цветы, и желательно, чтобы музыка играла соответствующая настроению (не «Свадебный марш», конечно, а нечто лирическое). Но

вышло совсем не так.

– Спасибо тебе за чудесный вечер! – сказала Инна, остановившись возле своего подъезда. – Все было так замечательно! С тобой вообще хорошо. Настолько, что расставаться не хочется...

– Мне тоже не хочется, – ответил Алексей и (была не была!) предложил: – Давай не будем расставаться! Никогда!

– Давай! – Инна застенчиво улыбнулась и как-то совсем по-детски кивнула.

Знакомство Инны с родителями Алексея состоялось уже после того, как он объявил им, что собирается жениться. Это вызвало небольшие осложнения. Мать произнесла недлинную, но крайне эмоциональную речь насчет того, что ей не нравится, когда ее «ставят перед фактом», и ушла в спальню, а отец шепотом объяснил Алексею, что хотя бы ради проформы стоило познакомить мать с ее будущей невесткой раньше и непременно поинтересоваться ее мнением.

– Ты же знаешь нашу маму, – выговаривал отец. – Она не выносит, когда что-то происходит без ее одобрения. Иди и исправь свою оплошность, пока она не ожесточилась...

Вроде бы удалось сгладить, во всяком случае, мать встретила Инну приветливо и даже высказалась в том смысле, что дуракам везет на хороших жен. Упрек адресовался не столько Алексею, сколько отцу, который за долгие годы супружеской жизни привык к упрекам жены настолько, что они отскакивали от него как от стенки горох. Алексей в очеред-

ной раз подумал о том, что в его жизни все будет иначе. Да и невозможно было вообразить, что лет этак через десять (или через пятнадцать, короче говоря, в отдаленном будущем) Инна станет походя осыпать его упреками, смотреть на него искоса, неодобрительно... Нет, он за всю жизнь не услышит от нее ни одного упрека и сам ее ни в чем никогда не упрекнет! Они вообще за всю жизнь не скажут друг другу ничего плохого! Только хорошее!..

Спустя тринадцать лет (ох уж это подлое несчастливое число тринадцать!) день в день и почти час в час (бывают же совпадения!) Инна назовет Алексея подлецом, негодяем и мразью, скажет, что проклинает тот день, когда она имела несчастье с ним познакомиться, бросит на стол телефонную трубку, сорвет с пальца обручальное кольцо и в лучших традициях русской драматической школы швырнет им в Алексея. Кольцо ударится о разделяющее их стекло, отскочит и закатится куда-то в угол.

– Успокойтесь, гражданочка! – привычно скажет надзиратель, навидавшийся за годы работы самых разных «концертов».

– Я успокоюсь, только если смогу все забыть, – ответит Инна не столько ему, сколько самой себе. – Если смогу...

Толстое стекло непроницаемо для звуков, но Алексей поймет, что сказала Инна, по движению ее губ, и слово «забыть» ранит его больше всех прочих слов.

Забвение – худшая кара для любящих. Горечь и тлен,

мрак и боль соединены в этом ужасном слове. Забвение страшнее смерти. Исчезая из памяти других людей, человек перестает существовать окончательно...

Несмотря на робкие протесты родителей и уговоры подождать до июля («Перейдете на следующий курс, поженитесь и уедете на море в свадебное путешествие – как хорошо!»), женились в январе, сразу же после экзаменов. «С корабля на бал, – шутила невеста, – главное, в ЗАГС вместо паспорта зачетку не взять, туда штамп не поставят». – «Главное – себя не забудь», – отвечал жених.

Свадебное платье (с одеждой тогда было напряженно, а уж с красивой – так особенно) Инне шила знакомая театральная портниха с чудесным, намертво врезающимся в память именем Конкордия Митрофановна, которое не менее чудесно сокращалось до «Корочки».

– Корочка шила императрицам и княгиням! – гордо хвалила подругу Иннина мать. – Нет, что я говорю! Корочка не шьет, она творит, создает образ! Пилявская и Лаврова одеваются только у Корочки!

Кто такие Пилявская и Лаврова, далекий от театральных кругов Алексей не знал, но по тону без двух минут тещи чувствовалось, что это весьма достойные женщины, прекрасно разбирающиеся в моде, знающие толк в одежде, и что абы у кого они одеваться не станут.

– Корочка может выправить любую фигуру! Живот уберет, грудь создаст, талию поднимет...

– Ну уж нашим дочерям, слава богу, выправлять нечего, – подал голос без двух минут тесть. – У них все на месте, наша порода.

– Ваша порода – полтора урода! – язвила без двух минут теща. – Дочери в меня такие красавицы...

Любой разговор родители Инны превращали в мизансцену, маленькое театральное действие. Поначалу это забавляло Алексея, но скоро приелось и даже стало немного раздражать. Создавалось ощущение ненатуральности происходящего, и вообще не было понятно, когда они шутят, а когда говорят правду. Взять хотя бы историю со свадебным платьем. Похвалы Корочкиному мастерству, возносимые Инниной матерью при каждом удобном случае, настолько заинтриговали Алексея, что ему не терпелось увидеть это чудесное платье, которому, по выражению без двух минут тещи, «позавидовала бы любая женщина современности». Инна, добрая душа, сжалилась и за два дня до свадьбы показалась жениху в только что полученном платье (заваленная заказами Корочка тянула до последних дней, но успела-таки). Под конец дефиле явились родители Инны.

– Ты что?! – с порога начала мать, увидев за спиной дочери без двух минут зятя. – Ка-а-ак можно показываться жениху до свадьбы в платье?! Это не к добру, совсем не к добру! Боже мой! Что теперь делать?! Ка-а-ак все исправить?! Инна, ну ка-а-ак ты могла?!

Сокрушалась она картинно, с заламыванием рук, стра-

дальческими вздохами, прижиманием ладоней к груди и т. п. Алексей сначала удивился – какие глупости, но потом немного испугался – вдруг в этом запрете что-то есть. Инна тоже выглядела растерянной и смущенной.

– Воды! – голосом умирающей королевы потребовала без двух минут теща, рухнув (не опустившись, а именно рухнув) в кресло.

Муж тут же поднес ей стакан на большой тарелке, призванной играть роль подноса. Она медленно выпила воду, усмехнулась и сказала:

– Впрочем, глупости все это. Главное, чтобы вы любили друг друга...

– И умели прощать! – вставил без двух минут тесть. – Ну-ка, невеста, возьми жениха под руку и пройдите туда-сюда.

Жених и невеста с готовностью подчинились.

– А вы друг другу подходите, – «сделала открытие» без двух минут теща. – Подол, кстати, не мешало бы слегка по-добрать...

Глядя на нее, невозможно было представить, что эта улыбающаяся женщина пять минут назад выглядела напрочь убитой горем. Вот зачем, спрашивается, надо было устраивать сцену в трагическом ключе, недоумевал Алексей, не догадываясь о том, какую сцену ему предстоит увидеть завтра. Даже не увидеть, а стать участником.

Инга стояла у входа в аудиторию, чуть в стороне, чтобы не мешать проходящим. Девушки бросали на нее короткие, зачастую неприязненные взгляды – откуда свалилась на нашу голову эта красотка? Парни смотрели с интересом, некоторые даже останавливались и пытались завязать знакомство, но Инга не шла на контакт – молчала, смотрела на кандидата в собеседники, как на пустое место. Кандидаты сникали и отваливали. Некоторые оглядывались на ходу, надеясь, что она может передумать. Таким надеющимся Инга показывала кончик розового язычка. Оставь надежду, всяк мимо проходящий...

– Гляди – какая валькирия! – восхищенно выдохнул Борька. – К кому это она пришла, хотел бы я знать?

Сравнение было подобрано точно. Инга и впрямь выглядела скандинавской девой-воительницей. Высокая стройная блондинка с классически прямыми чертами лица и решительным взглядом. Короткая дубленка выглядела кольчугой, а узорчатая вязаная шапочка – шлемом. А вот Инну никто бы не назвал валькирией. Скорее уж русалкой, Лорелеей.

– Ко мне! – ответил Алексей, ускоряя шаг.

– Прости, не знал! – Борька тоже прибавил ходу. – Восхищаюсь и завидую!

– Это сестра, – пояснил Алексей.

Даже за пятьдесят метров он мог отличить Инну от Инги. Даже со спины. Сердце не екнуло и не забилося быстрее, значит – Инга.

– Познакомь! – загорелся Борька.

– Запросто!

Бедный Борька. Инга едва скользнула по нему взглядом и таким ледяным тоном сказала «Очень приятно», что Борьку как ветром сдуло.

– Что-то случилось? – обеспокоился Алексей, сначала решивший, что Инга пришла к нему в институт по какому-то вопросу, касающемуся подготовки к свадьбе.

– Что-то может случиться, – туманно ответила Инга. – Ты уже «отстрелялся» или... Нет? Тогда поторопись... Есть важный разговор. Все хорошо, не волнуйся, а то еще «банан» получишь.

Алексей «отстрелялся» быстро, и четверти часа не прошло. Вошел в первой тройке, взял билет и сразу же сел отвечать. Доцент Дробышев, знавший о том, что студент Кудрявцев в субботу женится (слухом земля полнится), выслушав ответ на первый вопрос, взял зачетку, поставил «отлично», многозначительно заметил, что главный экзамен еще впереди, и пожелал счастливой семейной жизни. Сам Дробышев был в некотором роде легендой – четыре развода в анамнезе, пятая жена из бывших студенток, четверть века разницы. Студентам было непонятно, что девушка могла найти в лысом, плюгавом, кривоногом, скучном пятидесятилетнем

доценте. Анька Строкова, потомственная гадалка-ворожея и по совместительству первая дура на факультете, утверждала, что Дробышев умеет привораживать женщин. «Я когда рядом с ним прохожу, у меня все чакры вибрируют», – говорила она, гордо оглядывая однокурсниц, обладавших менее чувствительными чакрами.

Инга предложила прогуляться по Бульварному кольцу. Алексей согласился. До «Павелецкой» шли молча. Алексей терялся в догадках – что случилось? Появилось какое-то тревожное предчувствие. Он то и дело поглядывал на Ингу с нетерпением, с любопытством, но Инга, казалось, не замечала его взглядов. Шла, глядя прямо перед собой, как будто гуляла одна.

– Как Инна? – спросил Алексей, когда они ждали поезда. Молчать дальше он не мог, весь извелся.

– Вся в предвкушении, – ответила Инга и усмехнулась каким-то своим мыслям.

Пока ехали до «Тверской», Алексей придумал подходящее объяснение происходящему. Разумеется, Инга переживает за сестру, беспокоится, правильный ли выбор она сделала. В конце концов, пять месяцев – не такой уж и большой срок. Для них с Инной большой, им кажется, что они знают друг дружку с рождения, но у них – любовь, а со стороны все кажется иначе. Наверное, Инга решила поговорить с избранником сестры по душам. Расставить точки над «і», ну и вообще – выяснить, понять, успокоиться. Разговор предсто-

ит сложный, вот она и тянет время, собирается с мыслями. Милая Инга! Какая же она все-таки смешная! И трогательная! Хорошо иметь такую сестру. Инне определенно повезло. И вообще хорошо, когда есть брат или сестра. Алексею, единственному ребенку в семье, очень не хватало братишки или сестренки. С одной стороны, ни с кем не приходится делить родительскую любовь, с другой – скучно. Опять же, с братом или сестрой можно обсуждать то, что не обсудишь ни с родителями, ни с приятелями.

«Уж не Инна ли попросила сестру поговорить со мной?» – подумал Алексей, но тотчас же отогнал эту мысль – нет, Инна, имей она какие-нибудь сомнения, не стала бы прибегать ни к чьей помощи. Не те у них отношения, чтобы вносить ясность через посредников. Это Инга сама решила...

Около «Макдоналдса», несмотря на мороз и разгар рабочего дня, змеилась длинная-предлинная очередь. Часа на два, если не на три, прикинул наметанным взглядом Алексей. В феврале прошлого года, на третий день после открытия, они с однокурсниками (пришли приобщаться к капиталистическим ценностям всей группой) отстояли пять с половиной часов. Очередь была не в пример длиннее, да и люди внутри по первому разу обалдевали с непривычки и задерживались надолго. Сейчас многие уже привыкли, перекусят наскоро, запьют кока-колой и выходят.

– Может, зайдем куда? – предложил Алексей. – Тут, на Бронной, есть одно симпатичное кафе. Кооперативное...

«Кооперативное» тогда было показателем качества, обещавшим чистые скатерти, не просто съедобные, но и вкусные блюда и вежливое обслуживание. Само собой, и цены у кооператоров были выше, чем в государственном общепите.

– Лучше пройдемся, – отклонила предложение Инга. – На ходу разговаривать легче.

«Легче? – удивился Алексей. – Значит, разговор предстоит тяжелый? О чем?»

Дальше мучиться неопределенностью не пришлось, потому что Инга заговорила.

– Тебе нравится моя сестра? – с каким-то непонятным вызовом спросила она.

– Очень, – ответил Алексей. – Иначе бы не женился.

– Почему? – сразу же последовал вопрос.

– Трудно сказать, – замялся Алексей. – Знаешь, раньше, когда мне встречались девушки... Ты не подумай, пожалуйста, что я какой-то донжуан, просто иногда же встречаются девушки, на которых обращаешь внимание...

«Что-то не то я говорю», – мелькнула мысль.

– Так вот, раньше, с другими девушками, все было иначе. Я задумывался над тем, почему они мне нравятся, и приходил к выводу, что на самом деле они мне не нравятся... Ну, в общем, я хочу сказать, что когда любишь, то не задумываешься над тем, почему любишь. Просто любишь – и все.

– Как у тебя все просто! – передернула плечами Инга. – Я так поняла, что Инна у тебя – первая любовь?

– Если серьезно – то да! – убежденно ответил Алексей. – Инга, а можно спросить – к чему весь этот разговор?

– А если несерьезно? – Инге явно хотелось задавать вопросы, а не отвечать на них.

Снег вкусно и ритмично скрипел под ногами. Крр-рум-крррум, крррум-крррум. Алексей вдруг подумал, что Инна, в отличие от Инги, сейчас непременно прошла бы так, чтобы получилась какая-нибудь бодрая мелодия. Впрочем, на то она и музыкант.

– Ну, если несерьезно, то впервые я влюбился еще в детском саду, – Алексей улыбнулся воспоминаниям о том детском чувстве. – Дай бог памяти, в каком это году...

– Расскажи! – потребовала Инга.

Алексей не очень любил, когда с ним разговаривали приказным тоном, но решил не придавать этому значения, списал тон Инги на волнение.

– Ее звали Изабелла, она приехала посреди зимы откуда-то из Средней Азии, отца перевели служить в Москву, он был военный, и угощала всех детей сушеной дыней. Я впервые в жизни попробовал сушеную дыню. Это было так вкусно, что я сразу же влюбился...

– В дыню? – усмехнулась Инга.

– В Изабеллу. Кажется, все мальчики в группе в нее влюбились. Всем понравилась дыня.

– Вы устраивали битвы? Сражались за ее внимание?

– Не помню, но, кажется, обошлось без битв, да и вся лю-

бовь заключалась в том, что мы не дергали Изабеллу за ко-
сички и уступали ей игрушки. Соперничества как такового
не было. Было всеобщее обожание. Изабелла его умело под-
держивала среднеазиатскими традициями. Каждую неделю
ее мама приносила какое-нибудь угощение...

– Путь к сердцу мужчины лежит через желудок!

– Так точно! – улыбнулся Алексей.

– Какие же вы все, мужики, примитивные! – с неприкры-
той злостью выпалила Инга. – Все у вас через желудок да че-
рез другие места!

– Ты что? – опешил Алексей, совершенно не ожидавший
подобного ответа. – Инга, какая муха тебя укусила? Что-то
случилось?

Алексей остановился посреди бульвара, Инга тоже оста-
новилась. Он попытался заглянуть ей в лицо, но она отвора-
чивалась. С какой-то из лавочек (даже в мороз на них днем
сидят особо закаленные или очень тепло одетые люди) до-
вольно громко высказались относительно того, что милые
бранятся, только тешатся. Алексей взял Ингу за плечи и раз-
вернул ее лицом к себе. Маневр оказался неожиданно лег-
ким, потому что Инга не стала сопротивляться. Более того –
развернувшись, она обняла Алексея за шею и стала покрыва-
ть его лицо жгучими, влажными поцелуями.

– Мой!.. Глупый!.. Не отдам!.. Мой!.. Мой!.. Мой!.. – оже-
сточенно шептала она между поцелуями. – Глупый!.. Мой!..

Алексей растерялся настолько, что впору было решить,

будто все происходящее ему снится. Пришлось даже слегка прикусить губу для того, чтобы понять, что это не сон. Шапочка Инги упала на притоптанный снег, сумка сползла с плеча и повисла на согнутой руке, мешая обнимать Алексея. Инга на мгновение опустила руку, чтобы освободиться от помехи. Алексей воспользовался этим обстоятельством, высвободился из объятий и отступил на шаг назад, выставив руки перед собой. То был не оборонительный, а сугубо успокаивающий жест, но Инга истолковала его по-своему.

– Не бойся, я не кусаюсь! – зло сказала она.

– Я не боюсь, я...

– Что?!

– Удивляюсь, – Алексей ляпнул первое, что пришло на ум, но не очень-то и ошибся, потому что это слово характеризовало его состояние как нельзя лучше. – Инга, что происходит?

– Я тоже удивляюсь! – выкрикнула ему в лицо Инга. – Удивляюсь твоей глупости! Твоей слепоте! Неужели ты не видишь, что я тебя люблю, а Инка только притворяется! Неужели ты такой слепой?! Неужели ты такой дурак, что тебе надо объяснять очевидное?! Так вот – я объясняю! Инке ты нужен только для того, чтобы в очередной раз меня унижить! Она считает, что все хорошее по праву принадлежит ей! Она притворяется, играет в любовь, играет с тобой, как с котенком! Разве непонятно?! А я тебя люблю!!! Люблю, понимаешь?!

Лицо Инги перекосила гримаса страдания, из глаз быстрыми ручейками текли слезы, подбородок трясся, да и всю ее трясло. Проходившие мимо пацаны, по виду восьмиклассники, предположили, что здесь снимают кино скрытой камерой. Какой-то дедушка из числа прогуливающихся остановился неподалеку от Алексея с Ингой, шагах в пяти, и с выраженным интересом наблюдал за ними. Головы сидевших на скамейках тоже были повернуты к ним. Только две девушки, лепившие снеговичка, нисколько не интересовались происходящей на бульваре драмой, а сосредоточенно катали снежные шары. Далеко впереди мелькнули милицейские шинели.

Надо было срочно принимать меры. Алексей шагнул к Инге, намереваясь взять ее за руку (под руку, да хоть за шкуру!) и увести куда-нибудь, где они смогут поговорить спокойно и желательно без зрителей. Инга снова превратно истолковала его мотивы. Устремилась навстречу, обняла, только на этот раз не стала целовать, а сбивчиво зашептала на ухо:

– Ты совершаешь страшную ошибку, милый! Не надо! Не женись на ней, тебе с ней будет плохо! А со мной будет хорошо! Я знаю! Нам будет хорошо вместе! Мы созданы друг для друга! Ты мой, а не ее! Давай поженимся! Менять ничего не придется! Свадьба состоится! Только женишься ты на мне! Так правильно! Только так! Ты женишься на мне, а не на Инке! Милый! Милый!

– Пойдем! – мягко сказал Алексей. – Пойдем отсюда!

– Пойдем, – легко согласилась Инга.

Отойдя на несколько шагов, слышали чей-то окрик и вернулись за сумкой и шапочкой. Отряхнув шапочку, Алексей протянул ее Инге, но та демонстративно убрала руки за спину и подставила голову, требуя, чтобы он надел на нее шапочку сам. Этот, в сущности, невинный поступок, можно сказать – шалость, почему-то сильно задел Алексея, не терпевшего вынуждения или принуждения даже в малом. Отметив в уме, что Инна так никогда бы не поступила, он снял перчатки, надел шапочку на голову Инге и машинально поправил выбившуюся из-под нее непослушную прядь. Собираясь всего лишь поправить волосы, но получилось так, будто он погладил Ингу по лицу. Инга просияла, слезы на ее глазах тут же высохли, губы тронула довольная улыбка. Она поймала руку Алексея своей рукой, коснулась губами его пальцев (то был не поцелуй, а именно касание), потерлась о них холодной щекой и сказала:

– Мой!

Алексей промолчал. Невозможно было представить новую сцену на бульваре, второго действия после непродолжительного антракта. Надо было увести Ингу и, кроме того, дать ей время успокоиться. Говорить о серьезном можно только в спокойном состоянии. Поэтому он не только промолчал, но и позволил Инге взять его под руку. Сделал очередное сравнение – Инна брала его под руку мягко, так, что

ее рука почти не ощущалась, а вот у Инги была железная хватка. Она держала, удерживала, не отпускала. «А она – хищница», – подумал Алексей, косясь на Ингу.

– Куда мы идем? – спросила Инга. – Или просто гуляем?

– Тут недалеко, на Герцена, есть место, где пекут вкусные чебуреки, – предложил Алексей.

Можно было найти что-нибудь и поближе, но Алексею хотелось, чтобы Инга окончательно успокоилась, а ходьба и свежий морозный воздух, по его мнению, этому весьма способствовали.

– Чебуреки жарят, а не пекут, – поправила Инга.

Алексей ничего не ответил. Инна никогда бы не стала поправлять. Придираться к словам было вообще не в ее стиле.

– А твоя мама хорошо готовит? – спросила Инга и с мягким упреком добавила: – Меня-то ты с ней не познакомил. Теперь, наверное, в ЗАГСе придется знакомиться. Необычно...

– Мама готовит неплохо, но не очень любит стоять у плиты, – ответил Алексей, пропустив упрек мимо ушей. – Нам с отцом нравится, как она готовит. Впрочем, мы люди неприхотливые, любим простые блюда – борщ, котлеты, макароны по-флотски...

– «Завтрак туриста», яичницу, бутерброды... – съязвила Инга. – То же самое, что и у нас. Но я, в отличие от мамы и Инки, умею готовить по-настоящему, а не просто продукты переводить. Ну а выпечка – это мое хобби, то есть призвание.

– А я-то думал, что твое призвание – юриспруденция, – Алексей ухватился за возможность увести разговор как можно дальше от опасной темы. – Или у тебя два призвания?

– Юриспруденция – это профессия, – серьезным тоном поправила Инга. – А призваний у меня много, и самое главное из них – быть хорошей женой тому человеку, которого я люблю!

Алексей понял, что тему сегодня сменить не удастся, и подумал, что лучше всего, наверное, договорить на ходу, не останавливаясь. Так они будут привлекать меньше внимания, а в кафе велик риск очередного «спектакля» для ограниченного круга зрителей. Он набрал в грудь побольше воздуха, так, будто вместе с воздухом прибавлялось и решимости, но Инга его опередила.

– Неужели ты ничего не замечал? Понимаю, Инка тебя очаровала. Она это умеет – очаровывать. Я ждала-ждала, пыталась тебе намекать, но ты ничего не понимал. Или притворялся? Нет, не понимал, по глазам вижу...

Инга говорила торопливо, не делая пауз между предложениями, на вопросы сразу же отвечала сама. Пусть выговорится, решил Алексей и молча слушал.

– Я, как видишь, ждала до последнего дня. Дальше уже некуда, теперь или никогда. Ты не волнуйся, родителям я все объясню сама, с Инкой тоже поговорю...

Сегодня Инга называла Инну «Инкой», это звучало не по-свойски, не по-родственному, а откровенно пренебрежи-

тельно.

– Все будет хорошо, это я тебе обещаю. У нас вообще все будет хорошо. Ты ничего не потеряешь, ты только выиграешь. Внешне мы одинаковы, а внутри... Я не стану себя нахваливать, сам поймешь разницу...

«Я давно ее понял, еще в первый день», – едва не вырвалось у Алексея.

– Скажу одно – я тебя люблю, а Инка не любит. Ты ей нужен для... То есть ты ей не нужен, ей нужен статус замужней дамы, нужно непременно выйти замуж первой, раньше меня, муж дома нужен как деталь интерьера. Хочешь, угадаю – вы не спали ни разу? Угадала? То есть знаю. Инка ни с кем еще не была. Ей этого не надо, она холодная. Снежная королева. А я живая, теплая. Ты чувствуешь, какая я теплая? Я сделаю тебя счастливым, таким же счастливым, как ты меня...

– Инга, мне очень жаль, – Алексей старался говорить как можно мягче, тщательно подбирал слова, подавил, насколько смог, раздражение, – но ты не сделаешь меня счастливым. И я тебя тоже не сделаю счастливой. Пойми, что я люблю Инну, так вот случилось. Пойми и не обижайся. Ты – классная, ты замечательная, умная, красивая, добрая... – насчет «доброй» он, конечно, соврал, но ситуация позволяла. – У тебя все будет хорошо, ты будешь счастлива, но только не со мной, а с другим мужчиной. Со мной не получится, мне больно говорить тебе такие слова, но это правда. Прости. Давай переживем это и останемся друзьями...

– Останемся друзьями! – эхом откликнулась Инга. – Закадыками не разлей вода! Замечательная перспектива! Я каждый день буду видеть тебя и Инку, я каждую ночь буду представлять, как она позволяет тебе любить ее, и думать о том, что на ее месте должна была быть я! А потом у вас пойдут дети, и я буду думать... Да я же с ума сойду от таких дум! Как ты не понимаешь?! Как ты можешь быть таким жестоким?! А если я сейчас брошусь под машину?! Прямо здесь! У тебя тогда проснется совесть?! Чары слетят?! Наваждение исчезнет?! Или...

Они уже дошли до здания ТАСС. Самое то место, чтобы бросаться под машину – оживленный перекресток. Забыв про элементарную вежливость (не тот случай), Алексей сам взял Ингу под руку, и не просто взял, а схватил железной борцовской хваткой, будь на Ингином месте какой-нибудь дюжий мужик, он бы и то не смог вырваться.

Инга попробовала вырваться раз, другой, а затем потребовала:

– Пусти!

– Перейдем на ту сторону и отпущу, – пообещал Алексей.

– На той стороне мне делать нечего! Пойдем обратно!

Пошли обратно по бульвару. Отойдя от перекрестка шагов на десять, Алексей ослабил хватку, а еще шагов через пять, убедившись, что Инга вроде как не собирается бросаться под машину, даже не смотрит туда, где они едут, отпустил ее руку.

– Я нарочно выбрала этот маршрут, – тихо, будто про себя, сказала Инга. – Думала, что мы как раз успеем все решить, пока дойдем до консерватории. Инка там до часу, мы бы ее нашли и... Я почему-то была уверена, что у нас с тобой все сладится, ведь мы так подходим друг другу. Мы просто созданы друг для друга...

– Инга!

– Молчи! Молчи и думай! У тебя осталось каких-то десять минут, пока мы идем до метро. Думай и выбирай! Вот уж никогда не могла вообразить, что человеку надо думать, чтобы выбирать между счастьем и несчастьем! Все так очевидно... Лешечка, может, тебе толчок нужен? Или пинок? Может, тебя по голове огреть, чтобы ты понял? Как до тебя достучаться, чугунный ты мой?

«Милый», «Лешечка», «чугунный ты мой»... От происходящего голова шла кругом, но надо было собраться и закрыть тему раз и навсегда, причем так, чтобы это закрытие не сорвало бы женитьбу и не отравило всю остальную жизнь. Сестра будущей жены, как-никак. Самая близкая родственница. Надо сгладить, переиграть, как переигрывают некоторые поединки... Да-да, эта ситуация и есть поединок. Инга нападает, он защищается. Времени мало. Свисток арбитра, или гонг, прозвучит в субботу. Если вдруг женитьба сорвется, если вдруг он потеряет Инну, то он этого себе никогда не простит. Не Инге, а себе, потому что Инга, в сущности, ни в чем не виновата. Она любит и борется за свою любовь. За на-

стоящую любовь бороться не стыдно. За настоящую любовь надо бороться. Он бы тоже боролся, хотя, может, и не такими методами. Но у мужчин свои методы, у женщин свои... С женщинами трудно иметь дело. Парню скажешь – и точка! А почему бы и нет?

– Инга, ты не сможешь влюбить меня в себя, – сказал Алексей, уже не следя ни за тоном своего голоса, ни за выражением лица, ни за тем, какие слова выбирать – сгодятся те, что первыми пришли на ум. – Я люблю Инну и буду любить. К тебе я не испытываю ничего, кроме дружеских, уже, наверное, можно сказать – родственных, чувств. Это так, и тебе придется с этим смириться...

Алексей боялся, что Инга остановится и устроит новый «спектакль», но она, наоборот, ускорила шаг, словно захотела сократить тот временной промежуток, который сама же отвела Алексею для размышлений. Или уже поняла, что размышлять ему не о чем. На Алексея она не смотрела, но ему этого и не требовалось. Слушает – и хорошо.

– Я очень сожалею о том, что случилось между нами, – продолжал Алексей. – Мне бы хотелось, чтобы все это между нами и осталось. А лучше всего, чтобы мы постарались об этом забыть. Раз и навсегда! Как будто сегодняшнего разговора не было.

Инга вдруг остановилась как вкопанная и обернулась к Алексею, который едва не налетел на нее.

– Забыть? – переспросила она дрожащим голосом. – Разве

можно забыть? Разве нужно забывать?

– Инга, прошу тебя... – Алексей умоляюще прижал ладони к груди. – Не начинай снова. Я все сказал, мне нечего добавить, и я не передумаю. Не мучай себя, пожалуйста...

Подбородок Инги перестал трястись, складка на переносице разгладилась, краска отхлынула от щек, а сузившиеся было глаза распахнулись и обожгли таким яростным холодом, что Алексею стало не по себе.

– Давай забудем! – своим обычным и очень спокойным голосом сказала Инга. – Уже забыли. Не было ничего. Стой тут и улыбайся.

Алексей послушно застыл на месте и даже попытался изобразить некое подобие улыбки. Инга отошла на несколько шагов, резко развернулась и сверкнула глазами. Алексею подумалось, что она сейчас ударит его ногой с разбегу в самое уязвимое место. Он машинально выставил вперед левую ногу, приняв самую незаметную из оборонительных стоек, а руки скрестил внизу перед собой, как футболист, вставший в «стенку» на поле. Инга явно догадалась, о чем он подумал, потому что на губах ее мелькнула усмешка.

Разбега не было, Инга всплеснула руками и громко воскликнула:

– О! Какая встреча! Вот не ожидала! Что ты тут делаешь?! Идешь в консерваторию за Инной? Представь себе – нам по пути! Ты угостишь меня по дороге мороженым?! Обожаю есть мороженое на морозе!

У Алексея отлегло от сердца. Кажется, обошлось. Ура!

– Конечно, угощу! – пообещал он, включаясь в предложенную Ингой игру. – Мороженое какой страны вы предпочитаете в это время суток?

– Во все времена я предпочитаю «Лакомку», потому что я сама тоже лакомка, – с улыбкой ответила Инга. – Пора бы запомнить! Впрочем, у тебя будет много времени для того, чтобы изучить мои вкусы...

Мило беседуя (совсем как ни в чем не бывало!), они дошли до консерватории, отыскали там Инну и отправились в чебуречную на Герцена, где Инга принялась учить Алексея, как правильно есть чебуреки.

– Начинаем с уголка! Надкусываем, выпиваем, закусываем! Раз-два-три! Вот! И ни капли бульона на столе! А то все вгрызаются в середину и обливают бульоном не только себя, но и соседей.

Алексей, давным-давно освоивший эту нехитрую науку, изображал прилежного ученика, радовался тому, что все обошлось (кажется, обошлось, тьфу-тьфу-тьфу), и удивлялся Ингиному самообладанию. Даже пришла в голову мысль о том, что все это могло быть чем-то вроде проверки чувств. Кто их знает, этих женщин, может, у них принято так вот испытывать своих любимых накануне свадьбы? А-а, ладно, договорились же забыть, значит, надо забыть. Хорошо, что все обошлось. Пронесло.

Все к лучшему в этом лучшем из миров. После неболь-

шой встряски так приятно сидеть и есть чебуреки в компании невесты и ее сестры. Без встряски тоже было бы приятно, но так – особенно приятно. Контрастный душ.

8

Я сделаю тебя счастливым, таким же счастливым, как ты меня...

Я сделаю тебя счастливым, таким же счастливым, как ты меня...

Я сделаю тебя счастливым, таким же счастливым, как ты меня...

Хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать собственного голоса, но голос звучал внутри, а изнутри уши не заткнешь. Правда, можно напиться, если сделать это с должным энтузиазмом и полагающимся старанием, то голос на время заткнется. На время. Всего лишь на время. К тому же потом будет мутить и будет болеть голова. И как только отец может выпить целую бутылку и просыпаться утром, словно ни в чем не бывало? Натренировался за всю жизнь...

Алкоголь не решает проблем. После кратковременного притупления боль становится еще сильнее. Да и не выход это – бежать от реальности. Проблемам нужно смотреть в глаза. Проблемы нужно встречать с высоко поднятой головой. Проблемы нужно уметь щелкать, как орешки – щелк-щелк-щелк!

Решать проблемы Инга умела. Главное – правильно определиться с приоритетами. Что важнее, что почем, а нужно ли вообще? Ну а как определилась, надо действовать. Сме-

ло, решительно. Где смелость, там и удача, недаром же говорится, что смелость города берет. Мямлям, рохлям и трусам никогда не везет.

– Ты любишь Алексея? – спросила Инга у сестры в новогоднюю ночь.

– Люблю! – сестра закатила глаза и закружилась по комнате в танце. – Так люблю, что и не передать!

В этом она вся, Инна. Просто ответить нельзя, надо для пущего эффекта вальс изобразить и добавить «так люблю, что и не передать». Чтобы большее уязвить. Вот, мол, смотри и завидуй моему большому и светлому чувству. Кусай локти, рви на голове волосы, бейся башкой об стену, изводись от зависти...

Из всех насмешек провидения (а Инга была уверена в том, что где-то там кто-то, ехидный и всемогущий, забавляется тем, что подкидывает ей одну проблему за другой) эта была самой болезненной. Провидение, будь оно неладно, поставило сестер в абсолютно одинаковые условия (познакомились вместе, одновременно), поманило шансом (на первые свидания ходили вдвоем – как смешно!), а потом совершило обычную раздачу: Инне – пряник, Инге – кукиш. А зачем тогда дразнить? Инна могла бы встретить свою любовь и без сестры, если уж ей это было суждено...

Не было! Не было суждено! В том-то все и дело! Это Инге было суждено, недаром же она так вдохновилась в момент знакомства. И Алексей вначале смотрел только на нее, по-

ка сестра, по своему обыкновению, не принялась тянуть одеяло на себя. Коснулась пальцами его руки, когда брала кошелек, стрельнула своим «фирменным взглядом»... Искорки из-под ресниц – ах-ах-ах, можно подумать! У Инги точно такие глаза и ресницы, только она не опускается до дешевого кокетства. Короче говоря, Инна «вышла на середину сцены», как выражается мать, и Алексей «поплыл» (это уже из отцовского лексикона).

Нет, на этот раз providение расстаралось. Так ткнуло в грязь, что теперь до конца жизни не отмыться. Считала себя лучше сестры? На, получи! Если ты лучше, то почему он с ней, а не с тобой? Она его так любит, что и передать нельзя? Верь больше, как всему тому, что было до сих пор! Сестра любит только себя, и эта любовь действительно столь сильна и велика, что передать невозможно. Квинтэссенция квинтэссенциального эгоизма, самодовольство и самолюбование, чувство глубочайшего удовлетворения своим совершенством, а страдания Инги добавляют этому удовлетворению пикантности. Чтобы подчеркнуть достоинства главного героя, драматург вводит в пьесу героев второго плана с различными недостатками – закон жанра. Нет! Плевать она хотела на все законы всех жанров вместе со всеми драматургами! Она сама себе драматург и в пьесе под названием «Моя жизнь» согласна только на главную роль!

Инга убедила себя в том, что стоит только «стряхнуть» с Алексея чары, наведенные сестрой, как он сразу все поймет

и сделает правильный выбор. Она собиралась спасти Алексея примерно так, как Герда спасла Кая от Снежной королевы. Герда была Каю не возлюбленной, а другом? Какая разница! Суть-то едина. Алексею нужна ее помощь, и она ему поможет.

Момент Инга выбрала очень точно – буквально накануне свадьбы. Отменять поздно, времени на то, чтобы вернуть Алексея, у Инны уже не будет, матери не придется долго сокрушаться (не секрет, что Инну она любит больше, чем Ингу). Без скандала, конечно, не обойдется – такой удар (ах-ах, то есть – ха-ха-ха!), но к тому времени, как семейство немного успокоится, пора будет ехать в ЗАГС! Честным пирком да и за свадебку! И это будет всем победам победа, награда Инге за все ее страдания! И это будет счастье! Предвкушая жизнь с Алексеем, Инга млела. Впервые в жизни мужчина нравился Инге настолько, что с ним хотелось (мечталось, желалось, вожделелось!) связать свою жизнь. Помимо всех явных достоинств Алексея, Инга подметила и одно скрытое до поры до времени. В Алексее было то, что она называла «потенциалом». Чувствовалось, что этот серьезный, сдержанный парень далеко пойдет. Чувствовалось, что он из породы победителей. Порода чувствуется всегда.

А как он красив! Аполлон! Нет – Марс! Высокий, плечистый, фигуре Инга придавала, пожалуй, больше значения, чем чертам лица, но у Алексея и с лицом все было в порядке – высокий лоб, прямой нос (курносых Инга находи-

ла вульгарными), выразительные глаза с пушистыми, совсем девичьими ресницами, сочные, красиво очерченные губы, в которые так и хотелось впитаться, и квадратный, настоящий мужской, подбородок. И к этому набору великолепных достоинств прилагался бархатный баритон с небольшой сексуальной хрипотцой. Стоит только вообразить, услышать слова любви, произнесенные этим голосом, как улетаешь к небесам.

Улетать к небесам получалось на самом деле настолько, что порой, начиная думать об Алексее, Инга увлекалась воображаемыми картинками их близости. Ей было очень забавно смотреть на готовящуюся к свадьбе сестру и предвкушать, смотреть и знать, что свадьба-то состоится в назначенный день, только вот невеста будет другая. Разница в одну букву – «г» вместо «н», но как много порой значит одна-единственная буква! Мама что-то, наверное, предчувствовала, когда выбирала дочкам такие имена.

Примерив тайком от всех в третьем часу ночи свадебное платье и убедившись, что оно сидит на ней столь же идеально, как и на сестре, Инга сказала себе шепотом: «Пора». Когда укладывалась спать, представила, что будет твориться дома завтра, и усмехнулась – поделом. Главное, чтобы отец «с горя» (он ведь тоже Инну больше любит, можно сказать, что одну ее и любит) не выпил всю запасенную для свадебного стола водку. Впрочем, не успеет даже с горя, даже с его закалкой. Ну будет на столе на четыре бутылки меньше –

плевать!

Завтра была обычная предсвадебная суматоха – не более того. Инга помогала матери и сестре, отвечала на бесконечные звонки, следила за тем, чтобы отец не увлекся настолько, чтобы утратил на завтра парадный вид. Суежилась и думала, думала, думала... Все уже было решено и надумано, но она все равно думала, прокручивала в уме события сегодняшнего дня, вспоминала былые надежды, прощалась с иллюзиями... Переживала, но держалась, даже получалось улыбаться. Только мать заметила во взгляде тоску (матери положено замечать все или почти все), но истолковала по-своему:

– Что, тяжело сестру замуж выдавать? А мне-то как тяжело отпускать нашу Инночку... В чужой дом, в чужие руки отдавать! Свою кровиночку!..

– Мама, мы не в театре! – резко оборвала мать Инга. – Спектакль послезавтра, в тринадцать часов! Побереги слезы и причитания!

Мать снова не поняла. Сначала погрозила пальцем – мол, не смей таким тоном со мной разговаривать, а потом привлекла к себе, взъерошила челку и шепнула на ушко:

– Будет и на твоей улице праздник!

– Будет, – так же шепотом ответила Инга, не вдаваясь в объяснения по поводу того, каким будет ее праздник. – Прости, мама, сорвалась не по делу, нервы...

– А у меня что – канаты? – запоздало обиделась мать и хотела сказать еще что-то, но с кухни донеслось подозритель-

ное звяканье, и мать устремилась туда, сунув в руки Инге список предсвадебных дел.

Инга попыталась прочесть его, чтобы понять, что уже сделано, а что еще нет, но буквы начали расплываться, а строки слились в мутные полосы. Победенной тяжело участвовать в подготовке триумфа победительницы. От того, что победительница – родная сестра, легче не становится. Наоборот – тяжелее. Инга подумала о том, что примерно такие же чувства испытывает человек, роющий себе могилу перед расстрелом. Конец жизни, и ты своими руками...

«Не конец, а только начало! – должно быть, в сотый уже раз за сегодняшний день напомнила себе Инга. – До финиша еще так далеко...»

Слезы высохли, полосы превратились в строчки. Инга тщательно изучила список, отмечая в уме то, что уже было сделано. С ее поистине феноменальной памятью вычеркивать не было необходимости – запоминала с ходу. Увидела, что не решен вопрос с колонками-усилителями для магнитофона. Помещение для торжества любезно (всем гульнуть хочется!) предоставила администрация театра, в котором сейчас «служили искусству» (боже упаси сказать не «служат», а «работают» – убьют) родители. Но только помещение, звуковую аппаратуру зажали, побоялись, что ей причинят ущерб – свадьба же, как-никак, хоть и интеллигентская, а свадьба. Велик был соблазн «продинамить» вопрос с колонками – пусть счастливая новобрачная сама аккомпанирует гостям

на пианино, что украшает театральный буфет, но Инга его переборола. Негоже размениваться по мелочам, возмездие должно быть возмездием, а не фарсом. Вдобавок, Инне эта музыка до лампочки, она будет упиваться своим триумфом, своей победой над сестрой. Музыка нужна гостям, а гости ни в чем не виноваты, нельзя портить им настроение. Инга недаром считала себя справедливым человеком. Не просто считала, но и гордилась этим. Если поступать по справедливости, то, во-первых, удача не отвернется, а во-вторых, совесть мучить не будет. Совесть мучила Ингу часто. Вот и сейчас кололо в душе – нагрубил маме, стыдно. Маме и так не по себе, зачем усугублять?

Нет, каков негодяй! Плюнул в душу, надругался над самым светлым, что было в ней! А она так надеялась! И ведь сама все сделала, сама все сказала, ему оставалось только согласиться, увидеть очевидное, осознать свое счастье, счастье, которое само пришло ему в руки!

Не осознал. Не захотел. Оттолкнул. Надругался. Надругаться ведь можно и так – деликатно в переносном смысле, суть от этого не меняется, и боль слабее не становится. Напротив, деликатность в таких случаях ранит еще сильнее. Понимаешь, что на тебя смотрят как на пустое место, ни хамить тебе не хочется, ни прикрикнуть на тебя. Ты не вызываешь никаких эмоций. Совершаешь подвиг (пусть кто-то попробует сказать, что то был не подвиг), заглядываешь в глаза человеку, ради которого ты этот подвиг совершила, и ви-

дишь там пустоту. Пытаешься уловить вывернутой наизнанку душой его чувства и понимаешь, что ему хочется поскорее от тебя отделаться. Только и всего!

Только и всего!

Пойти ва-банк, будучи уверенной в победе, предвкушать триумф – и проиграть! Нет! Она не проиграла, потому что такие, как она, никогда не проигрывают! Глобально! Мелкие поражения не в счет, ошибки случаются с кем угодно.

Несколько минут там, на бульваре, Инга была очень несчастной. Шла в непроглядной жуткой тьме, ничего не видя (как только не споткнулась?), и думала о том, что счастья в ее жизни больше никогда не будет, что его вообще не было и как теперь жить с этим знанием? Стоит ли вообще жить? Ради чего? Ради того, чтобы оттенять своими поражениями победы сестры? Трудно быть фоном...

А потом камнем упало тяжелое слово «забыть» и беспросветная чернота рассеялась. И снаружи, и внутри. Разом. Как ветром сдуло. «Забыть» – это самый окончательный из всех окончательных приговоров, не подлежащий обжалованию. Если тебе предлагают забыть, то это означает, что надеяться не на что. «Оставь надежду, всяк сюда входящий», как говорит отец, убедившись, что все его потайные места, где он прячет свои записки, пусты. Оставь надежду. И любовь тоже оставь.

Обмануться – это совсем не то, что быть несчастной. Досадовать на себя за то, что распахнула душу перед недостой-

ным человеком, — это совсем не то, что страдать по поводу крушения своих надежд. Обманываться не так страшно, как отчаиваться. Мозг неофициальной чемпионки факультета по покеру (официальных чемпионатов тогда не проводилось) выдал расклад по пунктам.

Пункт первый. Не печалиться надо, а радоваться. Сестра считает себя победительницей? Ничего, успеет еще убедиться в том, что ее призовое яблочко с гнильцой. Отношение к Алексею изменилось в одночасье, мгновенно. Теперь он виделся Инге подлым, лживым, недостойным.

Любовь к себе немыслима без готовности успокаивать себя в трудный час. Инга любила себя и, подобно всем деятельным натурам, не была способна долго отчаиваться. Слово «забыть» стало тем камнем на дне, оттолкнувшись от которого утопающий всплывает на поверхность. Не было бы этого слова, Инга уцепилась бы за другое. Стоило ей только понять, что ее чувство осталось без ответа, как она, пока еще неосознанно, начала убеждать себя в том, что Алексей недостойн ее любви, что он мелок, жалок, подл и т. п. Шла, словно во мраке, думая о том, что жизнь кончилась, а новое отношение к Алексею и ко всему случившемуся уже начало формироваться.

Пункт второй. Алексей оскорбил Ингу, отвергнув ее любовь. Такое нельзя прощать. Такое заслуживает возмездия, суровой кары. За такое мало стереть в порошок и развеять по ветру, надо еще и забвению предать. Сам же сказал — да-

вай забудем. Забудем, Алешенька, забудем. В свое время.

Пункт третий. Алексея надо наказать так, чтобы сестра не догадалась о причастности Инги к этому. С сестрой свои сче-ты. С сестрой у Инги соревнование длиною в жизнь. На сестру можно обижаться, сестру можно искренне ненавидеть, сестре можно иногда в сердцах пожелать «чтоб ты треснула!» или «чтоб ты провалилась!», но нельзя забывать о том, что это «чудо в перьях» твоя родная сестра, с которой ты когда-то устраивала возню в материнской утробе. Это сестра эгоистка, которая, кроме себя, никого и ничего знать не хочет, а она, Инга, не такая. Выбрав подходящий момент, она накажет Алексея (ох, как накажет!), причем непременно так, чтобы выставить его перед сестрой в неприглядном свете. Чтобы та поняла, с каким типом ее угораздило связаться. После развода (возмездие непременно должно закончиться разводом) сестра станет нуждаться в поддержке. Непременно станет, она же по натуре совсем не боец, характер у нее слабоват, вся отпущенная на двоих твердость досталась Инге. А вот вся наглость досталась Инне. Инга с удовольствием думала о том, как поддержит сестру после развода, станет ее жизненной опорой, наконец-то займет первое место в их тандеме и тем самым поставит точку в соревновании.

«Смейся-смейся, – думала Инга, глядя на выходящую из ЗАГСа сестру (нарочно вышла первой, обогнав всю процессию, чтобы полюбоваться зрелищем). – Хорошо, как известно, смеется тот, кто смеется последним».

Алексея она не замечала, в упор не видела, не человек, а пятно, сгусток тьмы на светлом фоне жизни. Но это игнорирование не помешало ей станцевать с женихом, теперь уже мужем, сестры на правах ближайшей родственницы. Надо же было окончательно успокоить дурака, а то он рисковал заработать косоглазие – одним глазом смотрел на Инну, а другим настороженно косился на Ингу, явно опасаясь, что она выкинет какой-нибудь фортель. Напрасно опасался. Публичные скандалы – это мамино хобби. Уж она-то, оказавшись на месте Инги, не стерпела бы – закатила такую сцену, что никому бы мало не показалось. И чего бы добилась? Ничего, только бы психопаткой прослыла, вот и вся «прибыль». И такие мелочи совсем не в Ингином духе. Карать – так карать.

Инга премило улыбалась Алексею, заливисто смеялась его шуткам, отпускала едкие (с подковыркой) комплименты, касающиеся его внешнего вида, и вообще вела себя так естественно и непринужденно, что Алексей окончательно успокоился. Правда, один намек, весьма туманный, она себе все-таки позволила. Обмолвилась между делом, словно невзначай, что ее настольная книга – «Повести Белкина», но уклонилась от ответа на вопрос о том, какая из повестей самая любимая, предложила угадать. Дурак «угадал» «Барышню-крестьянку», окончательно подтвердив низкое мнение о его умственных способностях. Ничего, придет время, и он поймет, что любимая Ингина повесть – «Выстрел». Только она не собирается играть в благородство, как Сильвио.

Ей недостаточно будет страха и смятения в глазах врага. «Разить, так насмерть», как выражается отец, допивая бутылку до дна. Ну, не насмерть, конечно, потому что главный смак любого возмездия в продолжительности его действия. Смерть – это чересчур, смерть – это промысел, в который лучше не вмешиваться, да и не так, наверное, страшна смерть, как унылое существование отверженного и презираемого всеми человека. Каждый день вспоминать прошлое, сравнивать его с настоящим и страдать, страдать, страдать бесконечно... И еще покойнику не заглянешь в глаза и не спросишь ласково: «Хорошо ли тебе, Алеша?»

Инга настолько увлеклась, что произнесла вопрос вслух.
– Мне невероятно хорошо! – ответил Алексей. – Так хорошо, что хочется летать!

Музыка затихла. Танцевать второй танец подряд с мужем сестры Инга не собиралась. Поразвлеклась – и хватит, нечего баловать, а то еще Инна приревнует. Поощрительно улыбнувшись тершемуся возле нее еще с ЗАГСа Борьке Сапожкову, Инга получила приглашение на следующий танец. Акции Борьки неожиданно выросли после неудачного объяснения с Алексеем. Во-первых, надо было продемонстрировать Алексею, что забывать она умеет не хуже его и что скучать без кавалеров ей не придется. Во-вторых, Инга успела узнать, что Борька единственный ребенок «того самого Сапожкова, который директор НИИ экономики и информатики». В-третьих, она со второго взгляда (с первого, при знакомстве, не

получилось – другим человеком были заняты помыслы) поняла, что из Борьки вполне можно вить веревки – удобный кадр. Настолько удобный, что можно и о замужестве подумать. Сестра с ее «сокровищем» станут по прутику, по соломинке вить семейное гнездышко, а Инга может получить все жизненные блага сразу. С милым рай и в шалаше, а с немилым надо так, чтобы сразу во дворце. Да и долго ли продлится рай в шалаше? Шалаш – это так уныло...

Борька, окрыленный «авансом» в виде неожиданной Ингиной благосклонности, распустил хвост, как королевский павлин. Рассказал о дворянских корнях, о даче во Внукове на пятидесяти сотках – академический кооператив, о своей, отдельной двухкомнатной квартире на Соколе («Так скучно жить одному, поэтому я пока обитаю у мамы с папой...»), о том, что «на диплом» отец обещал подарить машину, что благодаря «личному знакомству» с Ельциным отцу светит министерский пост... Если допустить, что из всего сказанного правдой была лишь треть, то и так выходило весьма заманчиво. Очередная шутка провидения, безжалостного в своем ехидстве. Пришла, чтобы заполучить одного, а провидение подсунуло другого. С намеком: на безрыбье и рак рыба.

Замужество рисовалось Инне очень далеким, «в планах послезавтрашней пятилетки», как говорил отец, подцепивший это выражение из роли, на которую возлагал большие надежды. Вообще-то отец всю жизнь был «романтическим героем с уклоном в трагедию» (характеристика матери), но, играя Фигаро да Арбенина, можно было рассчитывать только на аплодисменты. Жизненные блага, реальные, весомые жизненные блага, начиная с путевки в Болгарию (советским людям Золотые Пески с успехом заменяли Канары с Гавайями) и заканчивая званием народного артиста СССР, зарабатывались «идейными» ролями. Для того чтобы выдвинуться, надо было сыграть героя революции или героя трудовых будней – передового рабочего, передового инженера, передового агронома или, к примеру, секретаря райкома. Отцу досталась роль передового начальника цеха, который вступает в конфликт с директором завода, карьеристом, очковителем и перестраховщиком. Надежды, как это часто бывает, не оправдались. На память о роли остались фотография отца, грозно размахивающего штангенциркулем (ну прямо как саблей), и несколько канцелярских штампов.

В планах послезавтрашней пятилетки... Когда-то потом... Свадьба – это не скоро, недаром же говорят «до свадьбы заживет»...

И вдруг! Случайное знакомство оказалось «роковым», то есть судьбоносным. Как в кино, точнее – как в сказке. Увидела – и влюбилась. Пусть не сию секунду (надо же все-таки осмыслить), но практически сразу.

«Что это со мной? – удивилась Инна и тут же предположила: – Наверное, это любовь». Предположила осторожно, поскольку понимала, что в таком важном деле спешить с выводами не стоит. Да и кое-какие примеры из ранней школьной юности подтверждали, что спешить нельзя. Было же так, причем не раз. Вдруг понравится кто-то – старшеклассник, а то и учитель. Полтора дня ходишь сама не своя, а потом с удивлением думаешь: и что это на меня нашло? Дольше всего (около двух лет) продержалась любовь к артисту Янковскому, но это чувство стояло особняком, потому что Янковский был – артист, кумир, звезда! Янковский был заведомо недостижим. Только полная идиотка могла бы о чем-то всерьез мечтать и на что-то всерьез надеяться. То была не столько любовь, сколько восхищение и преклонение. Опять же – заведомо никакой взаимности. Матери, к слову, Янковский совершенно не нравился. Ее кумиром был актер Лановой. Каждому свое.

Про большую любовь Инна знала точно – будет, непременно будет, но когда-то потом. Большое чувство, оно серьезное, это не романтическая девичья влюбленность, а что-то такое, что раз и навсегда. Серьезное чувство требовало серьезного подхода и кое-какого жизненного опыта. Надо не

внушать себе, что вот оно, твое счастье, а понять это. Инна считала, что она хорошо разбирается в людях, и знала про себя точно, что плохого, недостойного человека она никогда не полюбит. Только достойного, только лучшего из мужчин. Не принца на белом коне, а хорошего человека. Ну и красивого, конечно. В человеке все должно быть прекрасно. Но если уж выбирать, чем пожертвовать, то уж лучше красотой. Не слишком красивый хороший человек предпочтительнее красивого негодяя.

Сестра иногда в шутку начинала убеждать, что для умной жены внутренние качества мужа не имеют равным счетом никакого значения.

– Ты пойми, что муж – это кусок пластилина! – горячилась она. – Слепить из него можно все что угодно! Результат зависит от воображения и умения работать с материалом! Если воображения ноль и руки растут не оттуда, получишь пентюха, которого будешь тянуть на своем горбу всю жизнь. А если постараться, то будет у тебя призовой конь – академик или министр!

С чувством юмора у сестры с детства было не очень. Шутить она любила, но шутки выходили какими-то плоскими, ненатуральными. Чужому человеку они могли показаться даже злыми, но Инна понимала, что Инга шутит так не потому, что она злая, а потому что просто не умеет шутить. Шутка – это особый дар. Взять хотя бы отца с матерью. Отец одним сказанным к месту словом может рассмешить до ко-

лик, а у матери даже смешные анекдоты получаются пресными, несмотря на то что представляет она все очень хорошо, с мимикой и выразительными интонациями. Потому что у отца талант комика. Зря он, наверное, выбрал театр, ему бы в цирк пойти, там бы он не просто поднялся, а взлетел. Это соображение Инна держала при себе и никогда вслух не высказывала, потому что в театрально-кинематографических кругах цирк считался чем-то таким, «если не позорным, то заторным», как выражался отец.

Прекрасно понимая, что сестра шутит, Инна тем не менее иногда ввязывалась в спор. Начинала тоже в шутку, но потом, увлекшись, заводилась всерьез.

– Как ты можешь так говорить?! Разве из человека можно «слепить»?! И разве нужно?! А как же любовь?! Любовь к куску пластилина?! Ха-ха-ха! Не смеши меня!

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним! – отвечала Инга и тоже смеялась.

Однажды так вот, со смехом, она предложила нечто вроде пари.

– Давай в сорокалетнем возрасте померяемся мужьями! У кого муж будет круче, та выиграла.

– Давай! – легко согласилась Инна.

Смысл пари был смешным (хорошо сказано – «померяемся мужьями»), и вдобавок сорок лет – это так долго! Ударили по рукам, потом долго со смехом обсуждали критерии.

– Скажи, а кто круче – генерал или академик? – интере-

совалась Инна. – А если у нас будут профессора, только один юрист, а другой – хирург, тогда как?

– Тогда станем вникать в детали, – отвечала Инга. – Пересчитывать бриллианты в шкатулках, перебирать шубы...

– А если ты обманешь? – Инна не допускала, что сестра может обмануть ее в чем-то серьезном, но почему бы не пошутить? – Не станешь ничего лепить, а возьмешь и очаруешь какого-нибудь академика. Что тогда?

– Ну уж нет! – усмехалась Инга. – Я хочу сама, своими руками! Так интереснее! И потом, академики меня как-то не привлекают. Они все старые, занудливые, пылью присыпанные. Вот какой-нибудь молодой кооператор, владелец совместного предприятия – это другое дело. Жить надо играючи!

Инга только говорила, что жить надо играючи, а сама жила далеко не играючи – старалась, трудилась. Поступив в институт, занималась не от сессии до сессии, а ежедневно. Инна однажды попробовала получить представление о том, что изучает сестра. Взяла наугад один из учебников, раскрыла, попыталась прочесть страницу. Прочесть-то прочла, но ничего не поняла. По отдельности значение каждого слова было понятно, но вместе слова сливались в какую-то немыслимую абракадабру. Инна удивилась, можно ли вообще *это* выучить? Сестра усмехнулась и сказала, что в юриспруденции главное не учить, а понимать. Все логично, одно вытекает из другого, остается только ухватить мысль за хвостик

и развивать ее. Ухватишь тут, как же! Да и если бы все было так просто, Инга не засиживалась бы за учебниками до часу ночи...

Мама почему-то считала (у нее вообще было много непонятно откуда взявшихся убеждений), что дочери должны выйти замуж одновременно. Ну если не в один и тот же день, так хотя бы в одном и том же месяце.

– Почему? – хором удивлялись дочери.

– Чтобы никому не было обидно, – веско говорила мама и добавляла: – Лучше всего в один день, одним махом – так меньше расходов на застолье.

Обидно? Да что тут обидного? Если бы Инга вышла замуж первой, Инна не подумала бы обижаться. И Инга не обижалась. Легкая грусть не в счет. Инна тоже бы грустила на ее месте. Сестра выходит замуж, в ее жизни появляется новый человек, который станет для нее самым близким... Как тут не погрустить-попечалиться? Но грусть-печаль мимолетна. Налетит и унесется прочь. Радости все равно больше.

Подготовка к свадьбе измучила так (мало своих волнений, так еще и мама щедро добавляла), что лучший день в своей жизни (до рождения Лизы день свадьбы считался таким) Инна помнила фрагментарно, прерывисто, отдельными моментами. Утро... Слезы на маминых глазах... Свадебное платье в руках у Инги... Такой необычный, серьезный и немного растерянный Алексей... Обмен кольцами... Как же трудно, оказывается, надеть кольцо на палец жениху, если и у него, и

у тебя трясутся руки... Толстая тетка с красной лентой через плечо напутствует зычным голосом... Поздравления... Катание по Москве с непременною остановкой на Воробьевых горах... Тост за молодых с первым криком «Горько!»... Танец с женихом, то есть уже с мужем... Кидание букета... Или букет она кидала до танца? Нет, кажется, в конце застолья... А кто его поймал?.. А потом была их первая ночь, и она очень волновалась (положено же волноваться и вообще...), но волнения оказались напрасными. Утром Инна проснулась, увидела спящего рядом Алексея и порадовалась тому, что началась новая взрослая жизнь. И еще тому, что свадьба с ее суетой осталась позади. Смешно, но Алексей сказал то же самое: «Как хорошо, что мы уже «отженились»!» Инна порадовалась тому, что, едва начав жить вместе, они уже думают одинаково. И вообще, наверное, более правильно праздновать не само бракосочетание, а первую годовщину семейной жизни. Начало – это всего лишь начало, и неизвестно, как оно пойдет дальше. Не секрет, что едва ли не треть (а по некоторым, особо пессимистическим, данным, половина) вступающих в брак не выдерживают вместе и года. Вот если год прожили, не разбежались, друг друга не поубивали и есть желание продолжать дальше, тогда почему бы и не отпраздновать?

– Как поживаете? – спросила мама месяца через полтора после свадьбы.

Кто-то рассказывал Инне, что у китайцев одно и то же сло-

во может иметь разные значения в зависимости от того, с какой интонацией (ровной, восходящей, нисходящей) произносятся гласные. Так же и у мамы. Простое «Как поживаете?», сказанное ровным тоном и не сопровождаемое движением брови, означает: «Как жизнь, доченька? Что нового?». А вот если мама растянет слово «как», будто гармошку, поведет бровью да прищурит глаз, то надо понимать ее так: «Ну что, доченька, не пожалела еще, что замуж вышла?»

– Замечательно! – ответила Инна. – Так, что даже и передать невозможно.

– Лешка у тебя хороший, – похвалил отец. – Толковый, спокойный. Ты его, главное, не пили, нервы ему не мотай попусту, и все будет хорошо.

– Но и не молчи все время! – сразу же ринулась в атаку мать. – Будешь со всем соглашаться, муж тебе быстро на шею сядет! Мужики, они такие!

Взгляды, которыми обменялись мать с отцом, непременно вызвали бы аплодисменты у зрителей, происходи дело на театральной сцене. Мать выразила взглядом недоумение, приправленное оттенком презрения, обвинила отца в том, что испортил ей жизнь, но в то же время дала понять, что зла не держит и несет свой крест спокойно, с достоинством. Во взгляде отца читалось: «Какая же ты зараза, дорогая моя женоушка, но я тебя все равно люблю».

Инна аплодировать не стала – привыкла давно к таким вот летучим пикировкам, главное, чтобы «заветное» слово «го-

рошек» не прозвучало, а то беда. Улыбнулась и сказала родителям:

– Не сядет, он совсем не такой! Он меня на руках носит...

Мать многозначительно хмыкнула, давая понять, что ее тоже когда-то носили на руках и что с того? Отец нахмурился и повторил:

– Лешка у тебя хороший. Надежный.

– Надежный, – поддакнула мать с ехидной улыбкой. – Можно початую бутылку на хранение доверить – не отопьет.

– Ну если все сводить к этому... – начал заводится отец. – При чем тут бутылка? Зачем сразу бутылка?! А если и бутылка?! Кто в малом надежен, тот и в большом надежен! Так в Писании сказано! Мы ему дочь доверили, а ты – бутылка!

Хороший знак – разговор зашел о зяте, а родители нападают друг на друга. Стало быть, зять обоим нравится, иначе бы досталось ему на орехи. Насчет того, чтобы перемыть кому-то косточки, мать с отцом никогда не стеснялись, а зятя уж, как говорится, сам бог велел обсудить. Но Инна на всякий случай уточнила, чтобы уж знать наверняка:

– Мама, папа, а вам Леша вправду нравится?

– Главное, чтобы он тебе нравился, – ответил отец. – Тебе с ним жить.

– Пока я им довольна, – с подлинно королевским величием ответила мать. – Посмотрим, что будет дальше. А почему ты вдруг интересуешься? Самой, что ли, разонравился?

«Как может такое быть! – ужаснулась Инна. – Как можно

думать такое?»

— Нет, просто хочу убедиться в том, что мой муж пришелся вам по душе, — ответила она. — Хочется, чтобы вы относились к нему так же, как и к нам с Ингой.

— Ну, ты не сравнивай! — осадила мать. — Дети — это одно. Зятя — совсем другое. Мужей у вас с Ингой может быть по целой дюжине, а вы у меня единственные...

— И неповторимые! — поддела Инна, намекая на свою схожесть с сестрой.

— Вы нам внуков поскорее обеспечьте! — потребовал отец. — Желательно, чтобы с любовью к искусству, чтобы было кому продолжить славную династию Косаровицких! Выто с Ингой нас подвели...

— А я так мечтала! — вздохнула мать, молитвенно складывая руки на груди и закатывая глаза. — Спала и видела вас на сцене...

С продолжением рода Инна и Алексей решили сильно не торопиться. У обоих не было сомнений в том, что они созданы друг для друга и что семья их будет самой крепкой и самой счастливой на свете. В смысле уверенности друг в друге, детей можно было заводить хоть сейчас, время для проверки чувств им не требовалось. Но нужно было встать на ноги, закончить учебу, начать работать, снять отдельную квартиру, короче говоря, зажить своим домом и уже тогда думать о продолжении рода. Обоим хотелось девочку. Инне потому, что с девочками, как ей казалось, было проще. Мальчиков

она немного побаивалась – поди пойми этих маленьких мужчин, к тому же все мальчишки озорники, за них минуты нельзя быть спокойной. Алексею же хотелось, чтобы дома росла маленькая копия Инны. Это же так здорово! Гораздо лучше и интереснее, чем маленькая копия его самого. Имя выбрали заранее, с учетом своих вкусов и пожеланий родителей.

– Главное, чтобы имя было благозвучное, – сказала мать Алексея. – Примеряйте к отчеству и фамилии. Вслушивайтесь!

– И желательно традиционное, – заметил отец. – Классическое, с греческими корнями.

– Имя должно звучать! – считала мать Инны. – Сара Бернар! Айседора Дункан! Если бы Айседору звали Устиньей, разве достигла бы она такой славы? Айседора – совсем другое дело. Девочку надо называть звучно, а мальчика – энергично! Чтобы имя было коротким, как выстрел! Лев! Роман! Вадим! Олег тоже сойдет...

От «Айседоры Алексеевны» мороз пробирал по коже. На взгляд Алексея, даже «Устинья Алексеевна» звучало куда лучше.

– Надо так детей называть, чтобы с изюминкой, – учил тесть. – Вот как мы называли – Инга и Инна, похоже и мелодично, как будто в колокола звонят. А мой приятель Сережка Ломов дочку Верой назвал. Вера Ломова, каково? «Женщины, – говорит, – все вероломные, и Верка моя не исключение». А мальчика лучше всего в честь отца назвать. Алек-

сей Алексеевич – стильно и со вкусом!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.